

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 21

1987

Василий ПЕСКОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ДОМ С ПЕТУХОМ

Василий ПЕСКОВ

ДОМ С ПЕТУХОМ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Василий ПЕСКОВ

Писатель-журналист Василий Михайлович Песков родился в 1930 году в воронежском селе Орлово. Трудовую деятельность начал в Воронеже в редакции газеты «Молодой коммунар». 30 лет работает специальным корреспондентом «Комсомольской правды». Главная тема творчества: человек и мир живой природы.

В. М. Песков много путешествует по стране. В качестве специального корреспондента «Комсомольской правды» много раз выезжал в зарубежные страны. Является автором более десяти книг. Одна из них — «Шаги по росе» — в 1964 году удостоена Ленинской премии.

ДОМ С ПЕТУХОМ

Дом мы нашли без труда. Хозяин чинил крышу и прыгнул вниз с легкостью подростка, хотя ему исполнилось пятьдесят.

— Вот все тут: семья, хозяйство, радости и заботы — растаем в рязанскую землю. Правда, Аленка? — Отец прислонил к носу четырехлетней дочери испачканный краской палец. Со смехом нос всей семьей оттирали. Потом Аленка вернулась к ораве кроликов и, вполне уже понимая, что забавляет взрослых, стала считать: «Раз, два, три...» Но кроликов около сотни, они бегали по двору, а способности в счете дальше десятка пока не шли...

Была во дворе минутка, когда все рады отвлечься от дел и сообща позабавиться. В такой момент как-то сразу чувствуешь, чем живут в доме: ладно ли, дружно ли? Чувствуешь, как относятся дети к родителям, а родители к детям, сколько времени уделяют потехе, а сколько делу. И переход от забавы к делам тоже какой-то естественный. Вон кролики уже обедают морковку, которую девочка держит в ручонке, сын носит с тележки траву, мать продолжает резку яблок для сушки, дочь подала отцу полотенце и стирает в тазу испачканный фартук сестры.

— Няня, — кричит Аленка, — все! — И показывает растопыренные пальцы. Сестра бежит в огород за морковкой.

— Няня... — улыбается мать, провожая ее глазами, — недавно сама старшую сестру так называла.

— Сколько же их у вас?

— О, со счета собьешься — шестеро!

— Жили-то все по местам, где нет электричества, — подмигивает жене хозяин дома, и мы садимся с ним на скамейку, как раз под задиристым, сверкающим свежими красками петухом.

Павел Николаевич Константинов... Этому человеку жизнь ничего не поднесла на тарелке. Двухлетним его нашли на пороге приюта с запиской в ручонке: «Мальчика зовут Павел. Простите».

К его имени изобрели отчество, а фамилию дали по названию села

на Рязанщине. Приютил же его Касимов, старинный городок на Оке, городок, который Павел всегда вспоминал с благодарностью.

Павел рано «стал на колеса», много ездил и много видел. В обычных спорах — где лучше? — он всегда говорил: «А вот в Касимове...» — и так рассказывал, что мало кто сомневался: все благодати земные лежат именно в этом городе. Но самое главное, он и сам в это верил.

В Касимове прошло его детство. Детство подкидыша, совпавшее к тому же с войной. «В приюте жили голодно-вато. И это заставляло быть предприимчивым: ловили рыбу в Оке, ходили в лес за орехами и грибами, пекли в золе грачиные яйца, таскали из садов яблоки...»

В четырнадцать лет из детдома он убежал. Пришло известие, что погиб любимый всеми в приюте военрук, и двенадцать подростков решили: надо немедленно ехать на фронт — отомстить за учителя. Подобных мстителей в те годы к фронту стремилось много. Их снимали с товарных и пассажирских составов, ими полны были детские приемники на вокзалах. Они убегали опять, и случалось, в самом деле добирались до фронта.

Павел ухитрился проехать до Львова, но тут, несмотря на продуманный план конспирации, путешествие кончилось — его обнаружили на платформе в куче угля. В компании таких же, как он, чумазых и оборванных беспризорников мальчишку отправили в Сочи учиться на маляра.

Первую свою зарплату юный маляр получил в известном нам по бутылочным этикеткам Абрау-Дюрсо. Первая получка — важная веха в любой биографии. И очень существенно, какой человек окажется рядом в этот момент. К счастью, мастер, учивший Павла, не был из тех, которые говорят: «Ну, парень, обмыть полагается...» Понимая, что он, возможно, единственный, кто может сказать мальчишке напутствие в жизнь, старик увел маляра-дебютанта в парк на скамейку и прочел ему небольшую житейскую лекцию, которую Павел крепко запомнил: «Главное богатство в человеческой жизни — умелые руки... Деньги заработать значительно легче, чем их разумно истратить».

Молодость — время, когда человека тянет за горизонт. Хочется много видеть. И Павел, научившись, кроме малярного, еще и столярному, и штукатурному делу, поехал, как он сейчас говорит, «обстраивать послевоенную Родину». Он работал на Дальнем Востоке, в леспромхозе под Красноярском, а в Башкирии на реке Белой, на строительстве гидростанции, его биография отмечена еще одной вехой — женился.

Вспомнить события двадцатипятилетней давности Павел Николаевич зовет жену, и они вместе с видимым удовольствием вспоминают (нет, переживают заново!) все подробности того года. Любость! Но родители Нины Парфеновны (на стройке она тоже была штукатуром и маляром) категорически против замужества: «Детдомовец, семьи у вас не получится». Мать даже сказала: «Я тебе больше не мать». Однако свадьба все-таки состоялась. Со стороны невесты было четыре десятка родствен-

ников, а Павел позвал приятеля-плотника, «вдвоем и держали весь фронт».

Время надежно определяет, кто чего стоит. Пригляделась теща к зятю-«подкидывшу», и стал он для нее зятем любимым, как в той всем известной народной песне. Всем хорош: на производстве — первый, в доме за любое дело берется, и оно у него обязательно получается, здоров, уважителен, весел. Была и осталась в Павле еще и свойственная многим детдомовцам неукротимая жизнестойкость. Для иного маленький холмик житейских помех превращается в гору неодолимых трудностей. Павел же, переживший много трудностей в ранние годы жизни, сказал жене: «Вдвоем мы все одолеем. Детей заведем полный дом. И не бойся. По миру они у нас не пойдут».

Годы рождения детей отец и мать сейчас вспоминают по названию строек. «Виктор, Сергей и Ольга — на Павловской ГЭС, Светлана — в Бурятии, Андрей и Алена — на Дальнем Востоке».

Шесть детей, и частые переезды... Легко ль? Нелегко. Сегодня для многих это кажется почти невозможным, немыслимым — шесть детей. Но вот она, вся семья, на ногах. И это не просто большая семья. Это семья здоровая и счастливая. Непостаревшие мать и отец, крепкие, работающие и послушные дети. Секреты жизни такой семьи? О них, наверное, можно было написать целую книгу. Но сами старшие Константиновы книжек по воспитанию не читали. «Все получилось само собой. Работали, старались, чтобы дети росли работающими, ну и, конечно, важно, чтоб лад и мир были в доме, чтобы куда иголка, туда и нитка», — говорит мать. «У нас тут, как улей, — с пеленок каждому свое дело. А с возрастом дел прибавляется. И вот поглядите на них, никто не заморен». Это слова отца.

В детский сад Константиновы ребятишек своих не водили. Первых, Ольгу и Виктора, помогала вынянчить бабка, а потом старшие дети были няньками младших. «С работы идешь — младшие уже спят, а старшие ужин варят. И все дела по дому управлены. Школе это ничуть не мешало. Учились и учатся все хорошо».

Родители этот со мной разговор ведут, не отрываясь от дела. Отец, играючи, режет из липовой чурки игрушку, мать выпаривает кадушку — солить помидоры. Семиклассник Андрей чистит клетки у кроликов. Утки, кролики и козел, заведенный во дворе для потехи, — его забота. Светлана, девятиклассница, по домашнему распорядку дел нянчит сестренку, на ней же лежит забота об огороде — прополка, сбор огурцов, помидоров «и колорадских жуков с картошки!» — весело откликается она, прислушиваясь к беседе.

Трое старших уже на ногах. Виктор — тракторист, Ольга — замужем, порадовала Константиновых двумя внуками. (Ее муж Василий работает вместе с отцом и принят в семье наравне с сыновьями.) Девятнадцатилетний Сергей — в армии. Пишет: «Служба — дело суровое. Но мне не трудно. И за это, отец, спасибо тебе большое. Чему научен, все

пригодилось». Сергей — общий любимец в семье. (Мать с гордостью. «Не пьет и не курит».) К армии он, работая рядом с отцом, научился столярному, слесарному, малярному, штукатурному делу. Он и зарабатывал столько же, сколько отец. И главная гордость семьи: Сергей от отца унаследовал незаурядные способности художника. (Дом Константиновых увешан картинами и резьбою по дереву, на которую с завистью поглядел бы художник профессиональный. Это все работы отца и сына.)

Вот такая семья выросла под крылом так удачно соединивших жизни свои Павла Николаевича и Нины Парфеновны. Переезжая на новое место, они забирали с собой лишь ребятишек, одежку для них и ящики с инструментами. «Ничем лишним старались не обременять. И подыматься было легко. Из мебели брали лишь табуретку. Я ее сделал из ясеня, когда только-только взялся столярничать. Вот она стоит у окна»

Кочевая жизнь, однако, приятна лишь в молодости. Возраст просит оседлости, прочного корня. Размышляя, где бросить якорь, склонились к жизни в деревне. «Будем работать в колхозе, справим дом, заведем уток, корову. На доме я вырежу петуха, и внукам легко будет находить, где живут дед и бабка», — балагурил глава семьи, когда вечерами все собиравшиеся вместе.

За Уралом они и осели. Оборудовали себе дом в совхозе «Георгиевский», обсадили его черемухой, завели скотину. Павел Николаевич стал работать на ферме скотником, Нина Парфеновна дояркой. Прожили в совхозе более десяти лет. Жили хорошо. Сами были довольны местом, и совхоз дорожил работающей семьей. Однако Павел Николаевич почему-то все чаще стал вспоминать свой Касимов. Рассказывал детям по вечерам об Оке, о рязанских лесах и садах. И постепенно созрело решение: едем! Колебалась лишь Нина Парфеновна, для которой родиной была земля за Уралом, «но что же делать — куда иголка, туда и нитка».

В начале 1978 года Павел Николаевич приехал в Касимов сначала один. Отдал должное разом нахлынувшим чувствам: по льду перешел Оку, поглядел на город с правого берега, поднялся потом по знакомой деревянной лестнице к татарской мечети, поглядел на леса за Окой, постоял у дома, где был когда-то приют... И вот он уже в двадцати километрах от городка, в селе Дмитриеве, в правлении колхоза «Заветы Ильича» говорит с председателем о том, что именно тут хотел бы с семьей жить и работать...

В марте того же года во время школьных каникул семья Константиновых со своей реликвией — табуреткой, швейной машиной, точилом, с ящиками резцов, стамесок, рубанков, кистей, буравов, молоточков и разным другим инструментом заняла отведенное ей жилье на улице Молодежной. «Ну вот мы и дома!» — сказал отец, оглядывая пока еще неуютные стены рубленого строения.

Семья Константиновых — не единственный поселенец в рязанском колхозе. В последние годы тут заметно определилось движение людей в деревню из города. Константиновы дали другим пример домовитости,

трудолюбия, способности, как сказал председатель, «цепко взяться за землю».

На работу в колхоз из дома Константиновых явилось сразу шесть человек — отец, мать, два сына, дочь с зятем. И уже можно увидеть в колхозе, к чему приложила руку семья мастеров. И на дом, где живут, поглядеть — сразу видно: не на время люди приехали, прочно пускают житейский корень. Во дворе — живность, в огороде — все, чему полагается быть, — от картошки до подсолнухов и фасоли. У дома — свежая изгородь, цветы в палисаднике и два десятка пересаженных из приокского леса рябинок. Весь дом молодцом смотрит! Своими руками сложена печь, перестелен пол, вырыт погреб, построен сарай, водяное отопление в доме проложено — и это в полтора года всего. «Как на все у них времени хватает», — дивятся соседи. «Такая закуска — не сидеть сложа руки», — улыбается Константинов-старший. Минувшим летом на велосипеде они с сыном объехали приокские села, срисовывая наличники для своих окон. А когда над домом появился задорный пестрый петух, для многих в селе стало заманчивым завести над крышей что-нибудь в этом роде. Сам председатель колхоза Петр Иванович Жидков пожелал иметь над дверью своего дома оленя. Другие пока примеряются, кого из домашней и дикой фауны заказать. «А что ж, хорошее дело! Будут дома в деревне различаться не номерами, а скажем, так: дом с зайчиком, дом с конем, журавлем... — говорит председатель. — А сделать... Павел все может сделать!»

Павел село покорило не только трудолюбием и умением. Он и на празднике оказался самым заметным. 3 июня в колхозе праздник окончания весенних работ. В числе разных забав на празднике в парке был установлен высокий, гладкий, мылом натертый столб. «Ну, кто добудет часы?!» — весело пригласили желавших показать удал. Пробовали молодые парни, пробовал молодой еще зять Василий — никто до верхушки столба не добрался. И тогда вышел сорокадевятилетний глава семьи Константиновых. Кто притих, кто начал смеяться. А невысокий, коренастый человек поплел на ладони и сначала под недоверчивый шепот и даже смешки, а потом под крики одобрения достиг верхушки столба. На глазах тысячи с лишним людей он прошел с часами в руке к скамейке, где сидела жена с ребятишками: «Нина, это тебе...» А председатель сейчас же позвал Константинова Павла Николаевича к трибуне: «Молодец! Те часы добыл удалю. А это за труд в хозяйстве». — И вручил часы именно с дарственной надписью.

Вот так на новом месте начала жизнь семья Константиновых. Возвращаясь в беседе к прошлому, Павел Николаевич опять вспоминает Касимов, военное детство, воспитательницу приютя Елизавету Михайловну Касимову. (Он недавно ее разыскал.) О своей неизвестной матери Павел Николаевич говорит без осуждения и без горечи: «В пятьдесят лет

хорошо понимаешь, какая сложная штука жизнь. Я давно уже все простил. Мне только жалко ее. Самой большой радостью было бы помочь ей сейчас. Привел бы ее в этот дом — смотри, мать, это я, твой сын. А это — мои дети. Дети, мама, — это большое счастье».

1980

ПЯТЬ ЕГО СЫНОВЕЙ

Вот они в сборе у отцовского дома и рядом с отцом. Слева — младший Сергей и старший Иван, крайний справа — Геннадий и рядом с ним близнецы — Анатолий и Александр. Шесть мужиков — Садовниковы.

Отца зовут Сергей Афанасьевич. Когда снимались, он, поправляя на голове свою «мичуринку», пошутил:

— Ну, скобари, в одну шеренгу становись!

И получилось что-то вроде боевого подразделения с веселым, признанным и почитаемым командиром отцом.

Завидно стать вот так рядышком с сыновьями. Пятеро. Один к одному. Здоровые. Веселые. Работящие. И не рассыпались, как горох из стручка, по белому свету, живут, где родились. Сказал отец одному: «Собери-ка ребят» — и вот они вечером после работы явились все вместе к родному дому в семидворную приозерную деревеньку Грибно.

Ранний осенний вечер. Топится русская печь, бросает на стены красные блики света. На середину комнаты сдвинут стол — его всегда так ставят, когда собираются вместе. На столе в тарелках и чашках капуста, соленые помидоры, грибы («не зря же в Грибно живем!»). Блюдо горячей картошки, две сковородки некрупной плотвы, пойманной к ужину. Шесть крепких людей, да после работы, все стоящее на столе как будто за себя кинули. «Мама, что там еще?»

Мать Зинаида Федоровна, привыкшая к этим запросам, вынимает ухватом из печки чугунок горячего варева.

— Как едим, так и работаем! — весело щурит глаза в подначке озорной Анатолий.

Работяга... — ширяет пальцем в бок Анатолию рядом сидящий Геннадий. Это на случай, если бы гость вдруг принял шутку за похвалу.

— Секретарствуешь! Дома норовишь секретарствовать? — Анатолий хватает брата за холку, и тарелки от возни за столом начинают подрагивать.

Отец добродушно смеется. Мать грозитя огреть обоим ухватом. Старший, Иван, сидящий рядом со мной, объясняет: Геннадий выбран недавно освобожденным партийным секретарем, он сейчас примеряется к новой для себя роли и вполне понимает: самую первую критику, ежели что не так, услышит вот тут, за столом, от братьев и от отца.

Гость в доме. Газетчик. Приехал специально увидеть отца и пятерых его сыновей. По опыту знаю, в таких случаях душу свою нараспашку не держат. Нужно время — растопить ледок настороженной сдержанности. Тут же все настежь. Никаких недомолвок, полная откровенность. Суждения друг о друге и о делах — с шутками, подковырками, равная доля которых перепадает и гостю.

Чувствую себя в этот вечер, как будто и я выросал в этом доме, грелся на печке, надевал висящий у двери старенький кожушок, слушал собачий лай за окном, ел, обжигаясь, картошку, капусту, моченые яблоки.

Мать с ухватом у печки. Отец в меховой телогрейке и старых валенках у стола... Хорошо знаю: представление о счастье у многих людей связано с такими вот встречами в отчем доме. В сутолоке жизни возможность увидеться с матерью и отцом, с братьями, сестрами у родимого очага — как островок для плывущего в море, как ощущение прочного тыла в сраженье. Для матери и отца тоже наивысшая радость — увидеть рядом взрослых своих детей. Но ох как часто эти желанные встречи мы все откладываем — дела, далеко ехать, еще что-нибудь. И как сиротеем мы, взрослые, как остро ощущаем потерю, когда уходит под воду маленький островок.

Гляжу на Садовниковых. Они драгоценную пристань в житейском море не потеряли, не удалились от нее далеко. Подобно здоровому человеку, не знающему подлинную цену здоровья, они, возможно, даже не вполне сознают меру счастья, опущенного судьбой. Впрочем, нет. Все пятеро сыновей служили в армии. И за годы отлучки могли оценить, что значит для них этот вот чуть покосившийся рубленый дом, эти рябины возле окошка, эта веселая братская толкотня за столом, неспешное слово отца, заботливая суета матери. Продолжением дома был сад с замшелым колодцем, озеро за околицей, лес, поля лоскутками по холмистой псковской земле.

— У меня это все стояло в глазах, — говорит Анатолий. — Особо в первый год службы. Даже решение мелких солдатских проблем поначалу связывал с домом.

— Истоптал раньше срока солдатские сапоги. Обратиться бы к старшине. Нет, пишет домой. Ну посмеялись и послали ему сапоги, — вспоминает отец.

— Пятеро сыновей не были избалованными. История с сапогами свидетельствует как раз об обратном. «Отец всегда нас учил: ничего не берите сверх того, что вам полагается по закону и справедливости». Все пятеро после службы не соблазнились куда-либо ехать. Все вернулись сюда, на Псковщину, в родной колхоз. Геннадий, правда, делал попытку жить в городе, и об этом особая часть разговора. Сейчас жена его Валентина сидит за столом вместе с нами. Двое рожденных в городе ребяташек сверчками притихли на печке, озорными глазами наблюдают сверху за взрослыми. Вернувшись весной из «жизненных странствий», Ген-

надий живет пока что с отцом. Но готов, стоит уже собственный дом! Все лето по воскресеньям отец и пятеро братьев не выпускали из рук топоров — «еще четыре-пять выходных, и будем справлять новоселье».

Все братья, исключая лишь Александра, женаты. У всех ребятишки. Геннадий и Анатолий женаты на сестрах из соседней маленькой деревеньки Репищи. Из той же деревни взял жену себе младший, Сергей.

— Я свою выловил аж во Пскове. Подалась из Репищей к городской жизни. А я сказал: Маша, люблю, женюсь, но место наше — в деревне. Вняла. Теперь уже корни пустили — дом, баня, куры во дворе квохчут, корову, наверное, заведем. Я, как Мичурин, люблю в огороде копать. Вот и шляпу скоро, как у отца, заведу.

— Ты, Толя, скажи еще, что служил в ракетных войсках и самый старший в семье по званию, — поддевает брат Иван.

— И скажу. По званию старший. Должность в колхозе — шофер. А вы, сержанты, ну кто посмеет сказать, что плохой я шофер? — Вошедший в роль Анатолий победно втыкает вилку в соленый гриб и, тряхнув шевелюрой, обводит братьев глазами. — Ну вот, никто...

Анатолий — общий любимец не только в семье. Председатель колхоза Иван Степанович Сенченков, с похвалой отзываясь о всех Садовниковых, Анатолия выделил. «Этот шуткой мертвого из могилы подымет. Поручил ему развозить по работам людей. Летом возит на сенокосы и в поле еще и еду. Так вот всерьез говорят: присядет вместе обедать — еда вкуснее! А я замечаю: там, где этот шофер бывал, исправно движется дело».

— Характер у ребят разный, — замечает отец, когда веселье за столом поутихло. — Иван вот молчун, не скажет, что в молодые годы был первым трактористом в районе. Газеты портреты его помещали, в Москву на слет выезжал.

— И заблудился в Москве! Ну, признайся...

Смущенный Иван гремит у входа ведром — вылез из-за стола под предлогом помочь в чем-то матери.

— Ну, конечно, мы разные! — опять зажигается Анатолий. — Вот я и Сашка. Близнецы! Но, скажите, Михалыч, разве похожи? Я, как видите сами, брехун, а у Сашки клещами слово не вынешь. Я цыган, а он почти рыжий. Ну, правда же, поглядите. Я человек положительный, семьянин, ребенок у меня на руках. А брат гири все подымает, вон в углу двухпудовые. Ну, и прямо отметим: Серега вон младший, а уже двое советских граждан говорят ему: «Папа». А ты? Ну, молви словечко...

Александр запускает лапу в черную шевелюру брата, что означает: да уймись же, аспид, уймись...

Трое братьев — Анатолий, Александр и Сергей — шоферы. Иван, как сказал отец о нем с гордостью, «механизатор широкого профиля», зимой — на ремонте, летом сядет на что прикажут: на комбайн, трактор, сенокосилку, автомобиль...

Каждый из братьев имеет свой дом, свое хозяйство в усадьбе колхоза. Но любое сколько-нибудь серьезное дело — женитьба, большая покупка, стройка в хозяйстве, а также праздники, радость или беда — собирает братьев под эту крышу, за этот стол. При обсуждении — полная демократия. И, когда все свое скажут, поворачиваются к отцу: а ты, батя? Его слово во всяких спорах, во всех суждениях бывает последним.

Сергею Афанасьевичу пятьдесят восемь. Выростал в этом доме. Зинаиду Федоровну знает с тех пор, как помнит себя. Она вырастала в домишке рядом. Детьми они вместе лепили из песка пирожки, запирали в спичечный коробок майских жуков. Юность пришлось на войну. Сергей Афанасьевич первый и последний свой бой принял тут, почти рядом — за Невелем. Был осколками поражен в грудь, в живот, в руки, плечи. Но выжил. «Один осколок и теперь рядом с сердцем. Когда еду на лошади — чувствую».

Пожились Зинаида Федоровна и Сергей Афанасьевич в 46-м. «Трудное время было на Псковщине, бедное. А по бедности, знаете, дети ведь сыплются, как горох».

Работал Сергей Афанасьевич трактористом и комбайнером, пас скотину, работал на ферме. Но раны частенько заставляли ложиться в больницу. «А выйдешь — опять за работу, куда же деваться. Их ведь надо было кормить, одевать, обувать, на ноги ставить. Ученых не получилось. А колхозники вышли, считаю, исправные». И Сергей Афанасьевич перечислил все, что входит в понятие *справные*.

Отцовское слово слушали молча и со вниманием. Но когда я спросил: «Сергей Афанасьевич, в чем секреты этой крепкой семейной дружбы, этого братства, этой верности дому? Другие из деревни вон уезжают и в лучшем случае только вздыхают о ней. А тут все пятеро рядом. Где собака зарыта?» Когда я это сказал, Анатолий заерзал от веселого возбуждения:

— Ну, батя, давай! Ушинского, Сухомлинского, Спока, Макаренко знаешь?.. Не знаешь. Значит, есть в нашем доме и свое кое-что. Интересно, как ты изложишь?

Сергей Афанасьевич улыбнулся, похлопал Анатолия по спине, поглядел на ходики у окна:

— Чего не успели сегодня, сделаем завтра. Пора по домам.

На этом застолье-знакомство кончилось. По домам братьев развозил спокойный и добродушный Сашка. Ему, бедолаге, по причинности — «за рулем» — рюмочка из старинной посуды не перепала. «У нас с этим строго», — пояснил сам отец. Но Сашка и не роптал, прогревая потертый колхозный рыдванчик.

В автобус сели не сразу. Анатолий поманил меня пальцем к освещенному ярко окошку в крайней избе. В не прикрытое занавеской окно было видно: четыре старушки играют за столом в дурака.

— Вот это почти и все население в Грибно зимой. Сыновья и доче-

ри в городе, а они тут. Скучно. Вот и сходятся вечерами. Я их зову: «ансамбль песняры».

— Сашка,— сказал Анатолий, когда уже тронулись.— Не забыл? Мы обещали бабке Насте дров напилить.

— Нет, не забыл. В воскресенье напилем.

— В воскресенье баню будем рубить...

— Ну после бани...

За околицей с горки хорошо было видно: в деревне Грибно светились два огонька. Один в доме Садовниковых, другой там, где четыре старушки коротали осенний вечер.

Каждое утро Сергей Афанасьевич выводит из стойла лошадь по кличке Нейтрон и запрягает в телегу на мягких резиновых шинах. Телегу для отца изготовили сыновья, чтобы меньше беспокоил сердце осколок. Служба в колхозе у Садовникова-старшего нехитра: объезжает окрестные деревеньки, собирая в личных хозяйствах лишнее молоко. Молоко отвозит на завод в Невель и после обеда возвращается в Грибно.

Я застал его в доме уже отдохнувшим.

— Как воспитывал сыновей... Да, пожалуй, и не расскажешь. Все получилось как-то само собой...

Мы разложили старые фотографии. И Сергей Афанасьевич выбрал одну, где четверо ребятшек счастливо прильнули к отцу. «Прямо как воробы. Одежонка — глядеть было больно, но уныния, как видите, нет. В этом возрасте все они уже нам с матерью помогали».

Размышляя о воспитании сыновей, Сергей Афанасьевич вспомнил Некрасовский стих о мальчишке с лошадкой, везущей хворосту воз. «Сколько было тому крестьянскому сыну? Шестой миновал. Вот, семи еще нет, а уже в руках вожжи. И не игрушечные! Серьезное дело у человека — отец, слышишь, рубит, а я отвожу». Вот так и мои вырастали».

В картинке из жизни русского деревенского человека Сергей Афанасьевич видит основу всего деревенского воспитания — посильный, осмысленный труд с возможно раннего возраста! Старший Иван в десять лет был уже у отца на прицепе. Отец — на тракторе, сын — на плуге. Отец заболел — сын сразу его заменил, а на прицепе уселся Генка. Пересел Иван на комбайн — Генке передал трактор. Так обучались механизации.

«Иногда жалко было будить — мальчишки еще. Подойду, поглажу ладонью по голове, морщатся — рано... А однажды, помню, сам занемог и проспал. Открываю глаза — у постели Иван: «Батя, нам пора в поле...» Век не забуду этой минуты. Все болячки мои как рукою сняло».

При таком воспитании, многие это знают, дети в деревенских домах очень рано и естественным образом постигают грамоту трудовой жизни. В десять лет ребятки Садовниковых уже могли запречь лошадь, водили ее в поводу бороздой, а в двенадцать каждый из них ходил

уже за сохой. «Смешно было видеть: ручки сохи Генка держит на уровне головы, но шагает, ведет уверенно борозду. Свою картошку, бывало, опашет и за малую плату опашет соседям».

В тринадцать лет все пятеро сыновей умели косить, метать копны, держали уверенно грабли, вилы, топор, шило, рубанок. Умели постричь овец, починить обувь, корову могли подоить, варили обед.

Когда Ивану было пятнадцать, а Сергею два года, пятерым братьям выпал, пожалуй, самый трудный в жизни экзамен. Отца уложили в госпиталь, и в это же время тяжело заболела, надолго слегла в больницу и мать. Все нехитрое, однако и непростое хозяйство дома легло на плечи мальчишек. Иван подымался, как мать, с зарею. Доил корову, проводжал ее в стадо, варил еду, кормил братьев и вместе с ними бежал потом в школу. Анатолий и Сашка мыли полы и нянчили младшего брата. Геннадий управлялся с курами и гусями, чистил корову и лошадь, кормил поросенка. И все по очереди навещали мать и отца. «Учеба, конечно, у всех в этот год markedly хромала, но по труду я мысленно всем им ставил пятерки. Их усердие, можно сказать, нас с матерью и подняло».

В деревенском труде есть особенности. Работать в горячее время надо не по часам, а по солнцу — от восхода и до заката. «В посевную, в сенокос, жатву не переводись дыханье, полноры спишь. Иначе нелзя. В такое время не то что день, час кормит год». Но есть в сельской жизни, у сельских работ радость, со всеми заботами сплетенная воедино. «Пашем, бывало, с Иваном. От пыли у малого носа не видно. Завернем к озеру — раздавайся! Полчаса полощем с ним телеса, на песке положим, малины в укромном месте насобираем, раза два наблюдали, как лоси к воде подходили... Поговорите с ребятами, они это помнят лучше, чем я. Расскажут, как строили лодку, как логово волка нашли, как подобрали на пашне зайчат, как наблюдали за цапляй, ловившей у стога мышей. Мне, взрослому человеку, воспоминания эти сейчас вот, признаюсь, согрели душу. Для них же эти радости детства воедино соединились с трудом на земле, с представленьем о нашем крае, со всем самым главным, чем живы».

Вот и вся педагогика, все секреты воспитания пятерых сыновей. Из книжных мудростей в дело пошел один лишь образ — «мужичок с ноготок». Ничего другого Сергей Афанасьевич попросу и не знал. Но опыт собственной жизни, мудрость сельского человека, личный пример сделали свое дело. «Все, что надо, умеют. Работать любят. Дружны. Мать с отцом почитают. Местом, где живут, дорожат. Внуков нам нарожали. Чего же еще?»

— Отчего у других отцов-матерей не получается так?

Сергей Афанасьевич мнет в руках ремешок для телеги, на которой молоко возит.

— Да как вам сказать, причин-то разных немало. Вон видели двор? Немудрящий — куры, корова, лошадь, свинья, четыре овцы. Но как без двора? Нет скотины — нет и еды на столе. Но скотина требует глаза, и

рук, и всяких забот. И навоз-то, он пахнет навозом! Я считаю, человек деревенский этот запах должен любить. Сыновьям всегда говорил: «Что воняет в сарае — то пахнет на сковородке». И с детства они убедились: не пустые слова! А иные мать и отец рассуждают иначе. Мы в навозе копались — дети пусть людьми поживут.

Ну и, конечно, в доме таком дети спешат от навоза подальше.

— Счастливыми приезжают сюда?

— Кто поймет, какой оно масти, людское счастье? Иной приезжает летом на «Жигулях». Видимость вроде бы неплохая. А слово за слово — ничего, окромя «Жигулей», за душою не сыщешь. Соберут грибов-ягод, у матери сала прихватят — и до свидания, до нового лета!

— Но, слышно, и насовсем приезжают?..

— Да, пять-шесть семей назову. Вернулись! И этих теперь уже с места не двинешь. Все повидали, о всем имеют суждение не по слухам. Наш Геннадий — наилучший пример...

Геннадий окончил в Пскове сельскохозяйственный техникум, но на семейном совете сказал: отец, я хочу поглядеть жизнь. Отец подумал и ответил в том смысле, что никому не заказано жизнь поглядеть. Езжай. Но, если почувствует сын, что лучшее для него место тут, у псковских озер, пусть приезжает без колебаний.

Геннадий уехал строить КамАЗ. Два года работал на самосвале. Потом пересел на автобус и работал еще восемь лет. Стал горожанином. И жизнь, можно считать, сложилась вполне хорошо: получил большую квартиру, родились два сына. Каждое лето Геннадий с семьей приезжал в Грибно. Были ягоды и грибы, было купанье в озерах, но заходил Геннадий и в правление колхоза, подолгу толковал о жизни с отцом. А в этом году весной приехал и, обнявшись с отцом и матерью, прямо на пороге сказал: «Все. Мое место тут».

— Ну, и сразу же в шесть топоров стали ладить Геннадию дом...

В новом доме застал я важный момент: опробование только что сложенной печи. Из трубы, как из паровоза на крутом перегоне, валил дымщице. А в звонком, ничем пока не заставленном доме пахло смоляными дровами, стружкой, подсыхающей глиной.

— Не дымит! — счастливо сказала хозяйка. — И теплая!

Двое мальчишек стояли у печи, прислонив к подсохшему ее боку ладони. Хозяин постукивал молотком — подравнивал пол, прилаживал плинтуса. Пока мы с ним говорили о разных жизненных поворотах, в новой печке поспело пахучее варено. Валентина вынула из огня щербатенький чугунок, вынула сковородку со шкварками, принесла из сенец кастрюлю с соленьем, и я таким образом оказался опять при застолье. Стола, правда, не было. Еду поставили на широкую доску, лежавшую на козлах. Ели стоя, обжигая руки картошкой и хватая шкварки сосновыми щепками.

— Не жалеете? — спросил я хозяйку, зная, что этот вопрос ей понятен.

— Что вы, что вы!..

— Решать такие дела не просто, — сказал Геннадий, — шутка ли — десять лет городского житья. Если б не Валентина — верный союзник, мог бы и не решиться.

— О, пир горой у строителей! — Вбежавший Анатолий кинул в угол рабочую телогрейку, мячиком побросал в ладонях картошку. — Я пришел вас в баню позвать. Сергей и Сашка смыли уже солярку, батя пошел берeditь свои раны. Пару — навалом! Веники всякие — береза, дуб, елка. Михалыч, может, и вы?.. Да плюньте вы на билет! Уедете завтра. Сашке свистнем, он подвезет...

Гусарских выходов я не люблю. Но тут нашупал в кармане билет до Москвы, смял его в кулаке и кинул в жар печи.

И еще один вечер побыл в хорошей, дружной семье.

1982

БЕСЕДА

С дороги, идущей от Касимова полем, видишь в ложине верхушки ветел, крыши домов и на взгорке — красного кирпича колокольню, крытую свежей жесью. О колокольне я прежде всего и спросил Александра Александровича.

— Совсем новая крыша...

— Да нет, церковь не действует, — ответил парторг. — Еще с довоенных лет на замке. Кровля пообветшала, решили подправить. Дело для колхоза не разорительное, а сразу как-то опрятнее выглядеть стало село... — Опасаясь, что городской его собеседник, грешным делом, может и не понять этой необычной заботы, Александр Александрович прибавил: — Опрятность этой видной с любого двора постройки, конечно, воспитывает уважение у человека к порядку. Так что бог тут совсем ни при чем...

После беседы в правлении мы пошли с Александром Александровичем по деревне. Как водится, гостю было показано все, чем законно тут можно гордиться: большая новая школа, еще пахнувший свежей краской и похожий на маленький городок детский сад, автоматический телефонный узел, большой и хороший клуб («кино — каждый вечер»), добротные деревянные дома для колхозников («ставим дом и сразу сажаем сад»). Асфальт на главной улице и телевизионные антенны над каждой крышей дополняли увиденное. Однако не только эти признаки достатка, разумной, расчетливой траты средств и движения в ногу с жизнью останавливали внимание. Очень обрадовал не утраченный тут, в Дмитриеве, чисто деревенский дух жизни.

Дома не все были новые, но у каждого был палисадник, двор, сад, огород. Во дворах по-вечернему гагакали гуси. Посреди улиц на траве возились дети. Старухи сидели на скамейках возле домов. (Одна, подозвавшая Александра Александровича для какого-то разговора, сбивала в горшке сосновой мутовкой масло.) Пахло вечерним дымком, деревенской стряпней из труб, главной улицей степенно, неторопливо возвращались с пастбы коровы. В домах скрипели калитки и слышались голоса: «Марусь, Марусь...», «Зорька...» Парень на оранжевом тракторе приглушил мотор, давая проследовать стаду.

«Доброго здоровья!» — приветствовал пастух моего провожатого и поручил стадо, с вручением кнута подвергнувшемуся мальчишке. Александр Александрович извинился, и они с пастухом, присев на бревно у дома, минут десять обсуждали какой-то деликатный и важный для пастуха житейский вопрос. «Ну ладно, так — значит так», — согласился пастух, прощаясь, видимо, даже довольный разрушению своего обдуманного в одиночестве плана...

Еще в правлении, наблюдая заходивших к секретарю колхозников, я заметил особую атмосферу отношения между людьми. Заходили по делу, но разговор непременно касался чего-то еще, вроде бы к делу не имеющего отношения, но явно ему помогавшего. «Коля! — кричал Александр Александрович со второго этажа в окно шоферу, с которым только что говорил в кабинете. — Я забыл тебя попросить, будь другом, заехай к Прасковье Ивановне, узнай, привезли или нет ей дрова... Сам привезешь? Ну, что ж, хорошо...» И такой тон со всеми. Молодые у него: «Коля... Таня... Федя», к старику вышел из-за стола: «Василь Андрейч, извини, пожалуйста. Знаю, зачем пришел, но я не успел поговорить с председателем... Мимоходом сам загляну».

— У вас село почти как семья... — сказал я, когда прощался еще один посетитель.

Александр Александрович, извинившись, прочитал в телефон короткую сводку в район и сам вернулся к начатому разговору:

— Семья, говорите... Семья — дело особое. Хорошую семью и под одной крышей не просто сладить. А вот хорошие отношения, уклад жизни с учетом всего, что деревне должно быть свойственно, это и Петр Иванович как председатель и я как парторг всегда помним. А мы ведь почти что состарились в этой деревне. Часто ведь как бывает — «план по мясу, планы по молоку», а все остальное из поля зрения уплывает. И получается, что вроде бы только для плана человек и живет. А человек должен чувствовать радость жизни, радость труда на земле, радость своего очага. И когда он понимает, что это в нем уважается, будет и план, и даже многое сверх плана. Наше село не обветшало, не обезлюдело, а сейчас просто крепко стоит на ногах, потому что как-то так получилось: тут не забыли эту несложную мудрость.

Мы просидели с Александром Александровичем до полуночи. Разговор о деревенском укладе жизни неизбежно коснулся прежних традиций, обрядов и праздников, рожденных спецификой сельского быта, близостью человека к природе, влиянием времен года на его занятость.

— Это все — употребим некрестьянское слово — поэзия бытия. И это очень важная вещь. При нелегком труде на земле особый деревенский уклад давал человеку, даже при бедности, ощущение радости жизни... Согласны?! Так вот, надо ли это забыть и перекладывать деревенскую жизнь на городской лад? Некоторые думают: именно так следует сделать. А мы вот так не считаем.

Я возразил главным образом из желания удержать разговор в нужном русле:

— Но, Александр Александрович, жизнь-то в корне переменялась. Есть ли что сохранять, утверждать и отстаивать?

— А вот давайте поразмышляем...

Взялись прикидывать вместе, и оказалось, что есть! И на примере села Дмитриева это можно и рассмотреть.

Сельский дом... Традиционно — это не просто жилище, это еще и двор, сад, огород. Это корова (коза, на худой конец), куры, гуси, кошка, собака, скворечня, ласточки под карнизом. Это целый мир для деревенского человека от рождения и до старости. Это его школа жизни, его убежище, это основной корень, соединяющий человека с землей. Подруби этот корень, и человек уже — перекасти-пòле, ему все равно, где и на каких этапах жить. На эту традиционную жизнь кое-где покушаются, пытаются втиснуть деревню в три-четыре многоэтажных дома. «Последствия этого неизбежно будут печальными, ибо человека с его извечной жаждой «копаться в земле» можно все-таки приучить к сидению у телевизора и к игре в домино», — говорит Александр Александрович.

В Дмитриеве, правда, тоже построен один жилой двухэтажный дом. В нем поселили учителей и молодых специалистов, недавно в деревню приехавших. «Но курс основной — одноэтажный дом для семьи. Строит такие дома колхоз. Плата жилья — менее трех рублей в месяц. Всячески поощряем инициативу в строительстве. Строящий себе дом — это постоянный жилец в деревне. Это опора в нашем хозяйстве».

Неосомнительное нарушение основ в сельском укладе жизни уже дало примеры для поучительных размышлений на этот счет. Лет двадцать назад возобладала мысль, что если сельский житель не будет иметь коровы и иной живности во дворе, то все свои силы он направит на работу в хозяйстве общественном. Мы помним то время. Сколько было и вздохов, и слез при расставании с буренками! Корова для сельского жителя всегда была чем-то само собой разумеющимся в домашнем хозяйстве. «Как жить без коровы?!»

И вот видим теперь, что вышло из насильственной операции. Пожилые владельцы скотины поплакали, повздыхали и успокоились посте-

пенно — житье без коровы оказалось возможным и даже не лишенным удобств: не надо о кормах думать, не надо с зарей подыматься на дойку. Не стало в доме «своего» молока, масла, творога — да уж ладно, как-нибудь перебьемся. («Во град ездим за молоком», — сказала мне жительница деревеньки, стоящей в пятидесяти километрах от столичного града. Старуха это сказала с горечью, а молодуха из той же деревни о привозном «городском молоке» говорила с вызывающей бодростью, как будто во градах молоко бьет из артезианских скважин.)

Итог невеселый. С молоком и творогом туговато. И не потому только, что ранее от любой коровы молоко так или иначе попадало в общегосударственный бидон. Не достигнута цель, ради которой все затевалось. Пожилые теперь Дарья Петровна или Марья Петровна, лишившись своей коровы, на общественной ферме все-таки продолжали работать. А вот дочери их, не понюхав с детства навоза на своем дворе (деревенская пословица говорит: «что воняет, то и пахнет»), не спешат идти и на общественный двор. Таково следствие повреждения корня традиции. Сейчас помаленьку поправляется дело. Но подобного рода просчеты исправить очень и очень не просто.

Дмитриево не было исключением, когда коров провожали под нож. Но тут раньше других поняли ошибку, а общий стиль жизни села позволил легче ее исправить. Сейчас тут на 240 дворов 90 коров, то есть больше, чем в каждом третьем дворе. (Не говорите, что это мало. Приходилось бывать в деревнях, где молоко купить невозможно — нет ни единой коровы.) И количество скота в Дмитриеве возрастает. «Колхоз, — как сказал Александр Александрович, — создал для этого «режим наибольшего благоприятствования»: по низкой цене продаются телки и поросята, всячески помогаем с кормами, из общих укусов каждый владец коровы получил долю, а неудобья отдали косить исполу: копна — колхозу, копна — косцу». В результате колхоз обеспечен кормами, и личный скот тут не будет голодным. Итог: в каждом третьем доме — свежее молоко, масло, творог. (Излишки покупает сосед, а поскольку и при этом условии молоко остается, то каждое утро по селу проезжает машина с цистерной, и эти излишки — 700—900 литров вместе с удомом общественной фермы идут государству, «во грады».)

Еще одна сторона жизни... Александр Александрович особо ее подчеркнул — забота о стариках. «В деревне все на виду, все рядом — жизнь и работа. Забвение тех, кто ослаблен годами, неизбежно подточит все ценности. Это ведь как на войне. Если о раненых забывают — армия обречена. Умный командир даже ценою потерь вынесет раненых с поля боя. Таким образом укрепляется нравственная сила. А она важна одинаково всюду, где живут и действуют люди. Заботясь о стариках, мы не только воздаем должное за все, что они тут сделали, мы укрепляем веру у молодых: твое село, твой колхоз — надежное место для жизни».

Александр Александрович по памяти перечисляет людей, которые, перешагнув пенсионный возраст, продолжают работать в колхозе. «Ни-

кого не понуждаем бросать. Потребность трудиться у многих сохраняется до последней черты. Помогаем подыскать дело по силам, лишний раз похвалишь, поддержишь старания человека, и это, глядишь, главное, в чем он нуждается. А когда приходит время все-таки сесть на скамейку у дома, человек опять же ломтем отрезанным себя не чувствует. К государственной пенсии мы выделяем специальную «колхозную надбавку», заботимся о дровах, о том, чтобы яблоком из колхозного сада, молоком, зерном для птицы не был человек обделен. Из каждого урожая выделяем пшеницы. И что, возможно, самое главное — несмотря на дела, находишь минутку забежать, спросить: как жив-здоров?»

О молодых в колхозе своя система забот. Учиться поехал — держат его в поле зрения, помогают. В армию идет — проводы. Вернулся из армии — деньги из специального фонда. Свадьба — тоже колхоз участие принимает. Обстроиться захотел — опять же в помощи не откажут. Пять лет механиком отработал — в четверть зарплаты надбавка. «Восемь человек из десяти, отслужив в армии, едут домой, да еще и невесту с собой привозят. Приятно это все видеть? Приятно! Однако не будем при этом преувеличивать блага материальные. Мы знаем хозяйства, где этот поводок легко обрывается, и люди, как горох из сухого стручка, — кто куда. Важен нравственный климат. А всякий климат в одиночестве не создается. Это работа долговременная. Вот почему важно, заботясь о молодежи, не терять из виду и стариков. И ежели обратиться к опыту жизни, то мы увидим: в деревнях, аулах, хуторах, кишлаках так и было всегда. В этом мудрость традиции».

Коснулись мы в разговоре и того, что обычно в первую очередь вспоминают, когда говорят о традициях на селе, — праздников и обрядов. «Увы, — сказал Александр Александрович, — многое ушло невосвратно. Искусственно возрождать то, что было связано с прежним укладом в деревне, — бессмысленно. И это, конечно, верно. Но вот что важно заметить в прежних праздниках и обрядах. Все они были крепко привязаны к укладу именно деревенской жизни, к срокам сельских работ, к переменам в природе. Масленица — это конец зимы, Троица — это начало лета. Яблочный спас, Медовый спас, печение жаворонков из теста в марте, смоление кабана к Рождеству и свадьбы на Покров, осенью — главные деревенские праздники не приходились на горячее время работ. Они либо предвещали эти работы, а чаще венчали их. Иначе говоря, дело, труд, зависимые от капризов природы, — в первую очередь, а праздник — это в подходящее время передых от трудов. В этом смысле в сельской жизни, несмотря на обилие механизмов, условия не изменились. Тут по-прежнему не потерянный в нужное время день (даже час!) кормит год. И по этой причине в колхозе «Заветы Ильича» 1 Мая, например, — день рабочий. Это не значит, конечно, что село Дмитриево не ценит солидарности со всем трудовым человечеством. Просто начало мая — это самый разгар работ. Потерять в это время два дня и, хуже то-

го, сбиться с ритма — это очень большие потери. «Поэтому мы вывешиваем флаги, а сами в борозду», — говорит Александр Александрович.

Майский праздник в этом селе передвинулся на начало июня (точного числа у него нет, проводится по окончании весенних работ и называется «Праздник березки»). Дома в этот день не остается никто. Тысячи полторы людей, молодые и старые, с ребяташками на руках и в колясках, под руку с женами и невестами, с гостями из других деревень (в колхозе есть отделения) собираются в парке. «Минут пятнадцать говорит председатель или я говорю. А потом — кому премия, кому подарок, кому доброе слово. Ну, и тут же веселье: ярмарка со всякими выдумками, своя самодеятельность и еще артистов из Москвы приглашаем, пять буфетов работаем. Я сам люблю этот праздник, знаю, как его ждут и потом едва ли не полгода еще вспоминают...»

Так понимают традиции в селе Дмитриеве. Сама жизнь научила тут различать, что хорошо, что плохо. Но этому селу на Мещере и повезло. Повезло на двух хороших людей, тут выраставших и близко к сердцу принявших судьбу всего, что дорого человеку в родном углу. С большим удовольствием называю этих людей. Это председатель колхоза Жидков Петр Иванович и мой собеседник, секретарь колхозной партийной организации Александр Александрович Петропавлов. Иногда о людях этих двух должностей говорят: сработались. В этом случае слово сработал и сь слишком бедное и неточное. Это единомышленники, хорошо понимающие и государственные задачи, и повседневную жизнь родного села.

«Мне тут легко, — говорит Александр Александрович. — Почти все люди в колхозе — мои ученики. И я, как прежде в школе, всех называю: Лида, Федя...»

Отец и мать Александра Александровича — учителя. (Отцу присвоено звание заслуженного учителя РСФСР.) И сын тут, в Дмитриеве, стал учителем, а потом и директором школы. При нем в 1939 году нынешний председатель колхоза, а тогда Петя Жидков, кончил школу. Во время войны Александр Александрович был начальником школы девушек-снайперов, Петр Жидков воевал пехотинцем. После войны Александр Александрович снова директорствовал, а ученик его стал счетоводом. В 1958 году директора школы односельчане попросили возглавить колхоз, и он согласился. Председателем он оказался хорошим и работал четыре года, но, присмотревшись к Петру Жидкову, сказал: «Вот для колхоза настоящий хозяин». С его доводами согласились, но самого из колхоза не отпустили, выбрав секретарем партийной организации. Работают вместе уже восемнадцатый год.

«Петр Иванович — это хозяин с золотой головой и добрым мужицким сердцем», — говорит Александр Александрович о своем друге. О нем самом же, хитровато прищурясь, сказала мне Евдокия Петровна Митина, самая древняя из старожилов в деревне: «Лександр Лександрыч у нас все равно, как в старое время поп. Только лучше. Батюшка, быва-

ло, послушает, посочувствует, посоветует. А этот послушает, посочувствует, посоветует и поможет».

Деревенский капитал всяко можно измерить. Можно посчитать деньги в итоге года, можно счет вести на пуды, на приплод и привес у скотины, можно вспомнить, сколько построек возведено, какие дороги проложены, что куплено. Но есть богатство, которое не измеришь привычными мерками, однако оно в человеческой жизни главное — это нравственный капитал. При этом главном богатстве все остальное, как вагоны при исправном и хорошо отлаженном паровозе. Эту очередность ценностей в Дмитриеве вполне понимают и председатель, и секретарь. Оттого и село прочно стоит на ногах, и жизнь в этом мещерском селении проходит осмысленно, не бестолково, с радостями и надеждами.

Все, однако, познается людьми в сравнении. Было время — отсюда тоже уезжали и на стройки, и в города. Не жалеют ли сейчас об отъездах и нет ли теперь движения обратного — в село из города? Оказалось, что есть: и для колхоза это немаленькая проблема. Желающих переехать в село из города очень много. Мне показали папку с сотней недавно полученных писем. Во всех просьба: «Сообщите, нельзя ли приехать и вступить в ваш колхоз?» Письма разные, в том числе от людей, у которых личная жизнь дала трещину, и они, прослышав о здешнем хозяйстве, ищут прибежища. Есть наивные письма от коренных горожан, для которых житье в деревне — это сплошной сенокос, хождение за грибами и чистый воздух. Но в большинстве пишут люди, когда-то жившие тут, в селе, а теперь, приглядевшись к городскому житью-бытью, увидели, что прогадали. Есть у колхоза уже и опыт взаимных отношений с теми, кто приезжает. «Коренные горожане не приживаются. И мы теперь соответственным образом отвечаем на письма, — говорит Александр Александрович. — Деревенская жизнь человеку много дает, в том числе свежий воздух, сенокос и грибы, но много от него и требует. Эти требования горожанину часто и непонятны, и тяжелы. Лучше всех приживаются те, кто когда-то покинул именно наше село. Для них возвращение — все равно что выход на знакомую просеку после блужданий в лесу. Ну и вообще человек деревенской закваски довольно скоро пускает корни, если он, конечно, не лодырь, не пьяница, не стремится брать больше, чем отдает, и уважает наши традиции и порядки».

Мы прощались близко к полуночи. Село заливало сияние погожей осенней луны. Синеватые блики света отражал сонный омуток речки, кровля на колокольне, синеватыми редкими фонарями светились яблоки в темной листве. «Вот и еще картинка к нашему разговору. — Александр Александрович срывает яблоко с ветки над пряслом. — Пробуйте. Это антоновка. Подчеркиваю — а н т о н о в к а, старинный российский сорт. Там, где эти местные яблоки извели, заменили сортами южными,

в этом году погорели. И как погорели! Мороз все убил. Видели сами, сады стоят черные. А вот воргуль и антоновка живы! Почему? Веками притерты к нашему климату, испытаны самыми лютыми холодами... В сельском укладе жизни прежде чем что-то отбросить и позабыть как ненужное, следует пять раз подумать... Ну, теперь уж прощайте».

Александр Александрович уходит по белой от лунного света дорожке. Ему шестьдесят три, идет он немного сутулившись. Сорок лет своей жизни он ходит по этой улице, и она стала его судьбою.

1980

ПАСТУХ

У рощи играл рожок... Мы открыли дверцу машины, заглушили мотор и боялись поверить ушам. Пастуший рожок! Эту музыку где услышишь теперь? В кино, по радио. А тут дорога угостила нас подарком, удивительный в своей натуральности. Пастух сидел спиной к нам у березы и разливал по поляне мелодию, какую и родил-то, возможно, пастуший рожок: «Сама садик я садила...» Под тягучие звуки черный пес пастуха шевелил ухом, коровы лениво щипали траву, стрекотали кузнечики в бурьянах. А березы у края рощицы, казалось, вот-вот пробудятся от дремоты и пойдут хороводом.

— Вот такая арматура, — сказал пастух, вытирая тряпичей пищик рожка.

Он нисколько не удивился нашему появлению, не заставил себя уговаривать сыграть еще что-нибудь. Закончил и опять сказал весело:

— Такая вот арматура. Интересуетесь — заезжайте с заходом солнца домой, вместе повеселим душу.

Вечером гроза повредила электролинию. Старик поставил в бутылку свечу и при ней разложил на столе богатство свое — пищики, сделанные им самим из веточек волчьего лыка. Он крепил их к рожку, пробовал, поясняя:

— Этот — играть с баяном, этот — под балалайку, этот — с роялей в паре, этот — для кардиона. А этим баб по утрам подымаю с постелей.

Далее шел рассказ о том, как, где и с каким успехом играл пастух на рожке.

— На эту музыку спрос большой. В Москве на концерте как дунул — все: ах! — и рты поразинули. В Ленинграде играл, в Калинин, тут, у себя, на свадьбах, ну и коров в лесу этой музыкой собираю.

Веселое балагурство пастуха-музыканта слушала, прислонив голову

к печке, его жена Лидия Матвеевна. На замечание: «Нет, наверное, в округе человека веселей ее мужа», — она, согласная, улыбнулась.

— Он у меня огонек...

Старику без года семьдесят. Пастушество начал с десяти лет.

— Мы, зубцовские, — все пастухи. Из других мест в отхожий промысел шли плотничать, портняжничать, шли пильщиками, официантами, сапожниками. А мы — пастухи. Сотнями уходили на лето к Москве и под Тверь. И все знали: зубцовский — значит, пастух... Вот такая была арматура.

Девятилетним мальчишкой с новым кнутом и узелком пышек осилил Сергей Красильщиков путь с Верхней Волги почти до Москвы — полторы сотни верст пешим ходом. И вот — пятьдесят лет пастух. Были в этой работе и перерывы. Перед войною освоил трактор. Воевал в танке. После войны в колхозе «Сознательный» был бригадиром и председателем. Однако все это Сергей Осипович вспоминает как нечто второстепенное. Главная линия жизни — пастух.

— Я скажу, профессия самая хорошая, ежели кто понимает. Ну, конечно, дождички неприятны, и просыпаться надо следом за петухами — тоже не сладкое дело. Зато уж все твое на земле: видишь, как солнце всходит, как птица гнездышко вьет, как зверь в лесу обитает. Небо, травы, день без конца и вся духовитость земли как будто для тебя созданы. Ходи и радуйся. Пастуха-то всегда считали почти что нищим, а я посмеивался — богаче меня и нет никого на земле! Вот такая арматура...

Сейчас пастуху и платят исправно. Четыре сотни целковых — да я не пастух, а полковник! Однако радость, как прежде, вижу не в деньгах. Семьдесят за плечами, а я весь день на ногах — молодым не угнаться. Весел. Здоров, хотя и клонит железом дважды — в живот и в руку. В зеркало гляну — глаза, как у подпаса, с блеском. И вижу, что нужен в людском обороте. Ну и, конечно, вот — дом, жена, дети, внуки. Чего же еще желать человеку?

У печки в прежней позе тихого согласия стоит жена пастуха. В открытое окно к свечке летят мохнатые мотыльки. Старик, подбирая нужные пищики, вспоминает одну мелодию за другой: «На диком берегу», «Калинка», «Прощай, радость моя» и кое-что из «своего сочинительства».

— Эту утром обычно играл. Эту вот в полдень — себя подбодрить и чтобы коровы не разбредались. А это — вечер, солнце садится — пастух веселится. Такая вот арматура. Инструмент, глядите сюда, проще и некуда. Коровий рог, к нему, гляди-ка, трубочка из рябины, вся в дырках — по ним пальцами прохожусь, ну и пищик. Однако дуньте-ка, что получится?.. Во! На рожке и раньше не каждый пастух играл. На рожке труднее, чем на гармошке. Оттого и плату пастух-рожечник получал иную, чем безголосый пастух. И при найме непременно тебе вопрос: играю ли на рожке? Особо этим бабы интересовались. И, конечно, уж им угождал — под рожок просыпаться приятное дело... А теперь я на

много губерний остался, пожалуй, один. Меня уже можно за деньги показывать.

Нашу беседу со снисходительным любопытством слушает сын пастуха Сергей, такой же веселый и откровенный, как и отец.

Ха, чепуха какая — рожок. Да появишься с этой музыкой в ПТУ, засмеют...

— А ты появишься, появишься, — горячится старик. — Ты появишься! Ревом, понятно, кого удивишь? Ты появишься с музыкой. Вон, погляди, смеются там или нет?

Вблизи избы пастуха на бревнах и на скамейках в полутьме августовского вечера сидят люди, явно привлеченные звуком рожка.

— Дядя Сергей, «Меж крутых бережков» можно?

— Вон, слышишь, просят? Слышишь — «Меж крутых бережков». И так всегда. Заиграл — сейчас же люди. И всегда тебе благодарные.

Старик отыскал нужный пищик и сел поближе к окну.

Он сыграл «Меж крутых бережков», потом «Катюшу», потом по просьбе женского голоса — «Хуторок». И под конец по-свойски весело крикнул в окно, в темноту:

— Концерт окончен, пора на насести!

Мы вместе с Сергеем-младшим стали собираться на сеновал.

— Выпейте молока на ночь, — сказал пастух, принимая из рук жены большую стеклянную банку.

Пока пили, старик опять незлобиво и, видно, не первый раз вразумлял сына:

— Смешон не рожок. Смешно, что ты от этих пространств, от этой вольности в таксисты хочешь податься... Такая вот арматура, — подытожил он разговор. — Валяйте на сеновал. Утром рожком разбужу. Но вы не слезайте. Это будет просто сигнал: я пошел на работу.

Утром мы и проснулись от звуков рожка. Через прореху в крыше был виден реденький сад с покосившейся загородкой. За садом к Волге спускался лес. Здесь он наполнен был подсвеченным солнцем туманом. Верхушки высоких сосен, берез и елок темнели в тумане, как острова. В соседнем сарае чутко переговаривались гуси. Слышно было: где-то в подойник бьет струйками молоко. Шуршала на сеновале мышь. И сладко посапывал младший Сергей.

А старший Красильщиков, судя по звукам рожка, был уже за околицей. Он извещал селение над Волгой, что день начался и надо его встречать.

1978

*Деревня Столыпино,
Верхняя Волга*

МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Утвердилось как-то само собой понятие горьковатое, неприятное, «неперспективная деревенька». Пять — семь домов. Живут одни старики. Удалена от дорог и центра хозяйства. Много таких деревенок встречаешь в лесной России. Подъезжаешь — ни дымка, ни собачьего лая, ни детского смеха, ни плача. Доживают три-четыре старухи. Рады любому объявившемуся тут человеку. Сразу же семянят в огород за луком, за огурцами, несут в подоле из одичавшего сада яблоки. У одной — кошка, у другой — коза, две-три курицы. Как живут? Чем живут? Да сейчас еще лето. А зимой?

У некоторых в городе дети и внуки. Бывает, зовут к себе на житье. А то и не зовут вовсе. Приедут летом на красных, как вареные раки, машинах. Поживут неделю-другую, и опять в город. Но тихие бабки и этому рады. На внучат поглядели. Убедились, что дети живы-здоровы.

Некоторых дети зовут усиленно: «Мама, ну как же так можно, поедем!» Не соглашаются: «На этажах какая там жизнь. Тут вон укропцем пахнет, свой огурец, да и дом — как-никак жизнь протекла».

И правда, «на этажах» эти старухи, подобно яблоням, пересаженным в позднем возрасте, не приживаются. Маются, сидя у городских телевизоров, видят во сне свои огороды с укропцем, свои сиреневые при солнце и серые в непогоду домишки, заглохший колодец, заржавевший почтовый ящик.

А иным просто некуда и податься. Сыновей война покосила. А они вот живут. Все их богатство — эта вот «неперспективная деревушка». И деревушка тоже только старухами и жива. Умрут — все быстро поглотят бурьян и леса.

Деревне Сытьково исчезновение не суждено. Стоит над Волгой и возле дорожного тракта. И хотя прежде бурливая жизнь переместилась в иные места, деревенька все же стоит на ногах. Но и тут большая часть населения — старики.

Подымаясь от Волги по косогору, мы повстречали за деревенскими городами старуху с косой.

— Для козы, бабушка?

— Для коровы, милые, — ответила бабка, поглядев на нас сквозь очки прищуренными, всевидящими глазами.

— Тяжело? Дело-то ведь мужицкое.

— Разве не тяжело! Что мужицкое — полбеда. Беда — годов-то семьдесят девять...

Поправив платок, старуха взялась косить.

А вечером мы снова с ней встретились. Попросившись на ночлег

в домишко у края села, мы готовили «газик» съездить за Волгу, когда старуха вернулась с вязанкой травы.

— У нас на ночлег? Ну что же, рады гостям.— Бросив вязанку и прислонив в уголке палисадника косу, она тяжело опустилась на порог дома и уголком платка стала тереть очки.

— Ну вот, наработалась. А то корову-корову. Для коровы силы нужны,— пожалела ее хозяйка дома, принимавшая нас на ночлег.

Выяснилось: в доме живут три сестры. Анастасья Васильевна, Марья Васильевна и Арина Васильевна. У каждой была своя жизнь. А старость собрала сестер под одной крышей. И живут. Все опрятно, ухожено, прибрано. На окошках цветы, на бревенчатых стенках застекленные рамки со множеством фотографий. На кухне, на чистом столе самовар, горка оладий. В открытое кухонное окно видно Волгу и обкошенный склон у воды. Старухи садятся вокруг самовара и заводят, как видно, не новый разговор о хозяйстве. Объект неторопливой дискуссии — корова. Продавать или не продавать?

Силы в этом домашнем споре распределяются так. Старшая из сестер, Марья Васильевна (та, что косила траву), твердо стоит за корову — «без коровы нельзя» — и делает все, что можно сделать в ее без года все семьдесят лет, чтобы корова осталась. Против — младшая, Анастасья Васильевна. Она курит, голос у нее от этого хрипловатый:

— А кто же будет за ней ходить? Я вон на двенадцать рублей лекарьств накупила...

Заботы о корове лежали на Анастасье. Но год назад ее, шестидесятилетнюю (тридцать лет из них проработала медсестрой в сельской больнице), настиг инфаркт, и с коровой трудно теперь управляться.

Средняя из сестер, Арина Васильевна (76 лет), тоже больна. У этой склероз — забывает все тут же. Сердцем она за корову — «как же без нее, матушки». Но она понимает — главный работник в доме, Анастасья, вышла из строя. Арина слушает каждую из сестер, говорит: «Господи...» — и подносит к глазам платок.

— Без коровы никак нельзя,— упрямо стоит на своем Марья Васильевна и берется отбивать косу, чтобы завтра с росой снова пойти косить.

Мы уезжаем за Волгу и возвращаемся в сумерках. Сестры сидят у остывшего самовара. Разговор прежний.

— Всю жизнь держали, и вот теперь — на, продавать! — вполголоса говорит Марья Васильевна.

— Господи,— шепчет Арина и смотрит с надеждой по очереди на сестер.

— Кто же против? Но я-то, видите, молоком запиваю таблетки,— хрипловато, но очень миролюбиво и даже ласково возражает младшая из сестер.

В открытые окна летят на свет бабочки. В палисаднике чутко ходит собака. А за углом во дворе пережевывает жвачку и шумно вздыхает корова.

Мы пьем поставленное в светелке для нас молоко.

— Настоящее. Не то что в пакетах, — говорит шофер, наливая вторую кружку.

— Без коровы нельзя, — подытоживает на кухне разговор Марья Васильевна и выключает свет по очереди в сенях, в соседних двух комнатах, в пристройке для кур...

Утром проснулись мы рано, но сестры были уже на ногах.

— Греем кости чайком. Садитесь-ка с нами, — позвала Анастасья Васильевна.

Мы сели. Побеседовали о том, о сем. Но разговор опять подался в прежнее русло.

— Грех такую корову на мясо. Грех! — утверждала свою позицию Марья Васильевна.

Сестры молчали, соглашаясь, что «на мясо» это действительно грех.

У проблемы, оказывается, была еще одна важная сторона. Продать кому-либо корову — это еще полбеды. «Будем видеть ее да и молока, глядишь, купим». А вот на мясо — сестры единодушны — это никак не годится.

Оказывается, нет охотников покупать дойную и очень хорошей породы корову.

— Молодые не интересуются. Говорят: зачем? А старые — видите сами, — объясняет ситуацию Марья Васильевна.

На этой точке дискуссия о корове утром остановилась. Мы, попрощавшись, поехали. А три сестры принялись каждая за свое дело. Младшая села за письмо дочери в Ленинград, Арина взялась мыть посуду. А Марья Васильевна пошла за косяю...

На взгорке мы остановились — последний раз взглянуть на деревню. Разыскали глазами знакомую крышу за садом, дорожку от дома к Волге и на откосе увидели человеческую фигурку в коричневой кофте и пестром платочке.

— Марья Васильевна! Косит! — восхищенно сказал шофер. — Косит. Вот человек!..

В дороге мы много раз еще вспоминали ночлег у старушек Цветковых и слова Марьи Васильевны о житейских заботах: «Как не косить. Косить надо. Отец еще, помню, говаривал: умирать собирайся, а рожь сей».

*Деревня Сытьково,
Верхняя Волга*

СВЕТ В ОКНЕ

После разговора в избе о почтовых ее делах, о хозяйстве, о деревеньках, которые она ежедневно обходит с тяжелой сумкой, я сказал:

— Марья Андреевна, хочу вас снять для газеты...

Замахала руками:

— Я же немолодая...

— Ну в пример молодым.

— Нет, сапоги — облезлые, нос у меня большой. И один раз писали уже в районной газете...

Когда вышли на улицу, я возобновил приступ.

— Сделаем так, что сапог видно не будет...

В союзниках у меня оказались четыре соседки Марьи Андреевны и два соседа, приковылявших в валенках к палисаднику. Стали уговаривать всем миром.

— Марья, — сказала одна из старушек, — ты ведь для нас как свет в окне. Кого снимать, как не тебя? Уж ты не калянься...

И Марья Андреевна сдалась. Побежала в избу, надела куртку со знаком почты, покрылась цветным платочком. Выглянула в окно: там ли все?.. В окне я и снял ее, хотя собирались сниматься с велосипедом, на котором она тут ездит.

Вот она, увековеченная вами, жительница деревни Бучево, Мария Андреевна Иванова, человек, не просто уважаемый всей округой, но горячо любимый, желанный в каждом доме, а в некоторых просто необходимый.

Почтальоном в этой деревне до войны был отец Марьи Андреевны. Потом мать. В 41-м четырнадцатилетней девочкой почтовую сумку на плечо надела Маша. И с тех пор вот уже сорок три года прокладывает она тропки от дома к дому. Каждый день.

Дела ее, определенные разноской писем, газет, бандеролей, пенсий и телеграмм, гораздо шире и гораздо значительнее служебного предписания. В нынешних деревеньках ее обхода в полупустых или вовсе заброшенных, иногда с тремя-четырьмя жильцами, она являет собою единственное связывающее звено одиноких людей с человеческим миром. Наделенная исключительной добротой, умением искренне пережить чужое горе и радость, она является в этой округе «мирской няней» — посочувствует, посоветует, похлопочет. Без всяких даже и просьб. Дело часто касается не почтовых забот: надо купить какой-то старушке чай, сахар, хлеба, лекарства. Все делает с радостью и охотой. И везде даже простое ее появление — радость.

В деревне Бибикино на зиму остается одна (!) Анна Филипповна Голубева. Совершенно неграмотная старуха уже который год выписывает газету исключительно только ради того, чтобы раз в день увидеть живо-

го человека. «Я говорю ей: Анна Филипповна, не траться, я и так к тебе забегать буду. Трясет головой — так, мол, нельзя. При мне разглядывает картинки в газете...»

Случалось, Марья Андреевна бегала из деревенок на большак вызывать «Скорую помощь», хлопотала, чтобы привезли дрова, починили электрическую проводку. В своем заболотном Бучеве Марья Андреевна знает беды и радости каждого дома. Знает, где письма часты, знает, где на конверт глядят, как в войну, с опасением: «Не казенное ли?» «Старые люди опасаются телеграмм — боятся горьких вестей. Так я уж сразу, как телеграмма, кричу с порога: «Вам поздравление!»

В деревне своей Марья Андреевна ходатай и консультант по всем делам: по колодезным, электрическим, пенсионным, торговым. Все успевает. «Подъем вместе с журавлями, в пять-шесть часов. Ложусь в двенадцать». За день она успевает объехать округу — двадцать два километра пути — на велосипеде. Зимой тот же маршрут на лыжах. А весной и осенью, когда местные хляби даже трактор не пустят, ходит пешком. Не пожаловалась. «Дело привычное. Батя еще говорил: хождение — жизнь. Да и в журнале «Здоровье» вон пишут: надо ходить. И верно, я крепкая, как капустная кочерыжка. Да и здоровья мне все желают от полной души. А такие желанья впустую не пропадают».

Успевает Марья Андреевна справляться и со своим деревенским хозяйством. Корова у нее, телка, два поросенка, десять ульев. Мужа своего Виктора Егоровича по привычке молодости она называет Витькой. Вырастили Ивановы детей — живут и работают все в Загорске. И, думаю, это писанье о матери прочтут с гордостью: «Да, она такая, все успевает».

— Она все умеет: роды может принять, блинов напечет, грибов соберет и насолит, за пчелами знает уход, умеет пахать и косить. А главное, она у нас о всех беспокойство имеет, — степенно объясняет мне одна из соседок и заключает: — В старину таких людей называли святыми. Моя воля, я бы ей орден дала...

Марья Андреевна опять замахала руками:

— Что говоришь, кума, можно ль такое...

Однако, растроганная вниманием, сама она сказала по-детски искренне, простодушно: «Я всех люблю, и меня все любят».

Когда прощались, побежала в сени и явилась с баночкой меда.

— Возьмите гостинец. Не купленный...

Теперь я замахал руками. Но все общество на меня навалилось.

— Надо взять! Не купленный.

Вечером мы сидели с приятелем в талдомском доме у чайника; макали в мед зачерствшие в рюкзаке булки и вспоминали Марию Андреевну.

— Она, конечно, особенная: отец — почтальон, мать — почтальон. И сама вот с первого года войны. Заметил, какая счастливая? Ощущение нужности людям — вот ее счастье.

А утром, поехав в пойму Дубны, встретили мы еще одну почтальоншу, столь же счастливую своим делом, но с другим оттенком судьбы.

Мы стояли у старой церкви Зятькова и поминали недобрым словом какого-то скорее всего заезжего дурака, написавшего на барабане церковной верхушки громадными буквами свое драгоценное имя: «Храбров Слава-84». Там же масляной краской был намалеван ромб — эмблема «Спартака» и короткое непристойное слово.

— А в Веретьеве поглядели бы... Триста лет церкви! Деревянная. Законом оберегается. И всю этим летом вот так же измазали, испоганили.

Мы обернулись. Сзади стояла женщина, немолодая, но еще не старушка. С почтовой сумкой. Выяснилось: жительница Зятькова, идет на службу и рада присоединиться к нашему возмущению... Слово за слово, разговорились. Когда-то в деревне было девяносто восемь домов. Осталось «худых и добрых» семнадцать. Живут в них лишь летом. К осени все затихает. Уезжают с ними в город и старики.

— А я не сдаюсь! Мне и тут хорошо.

Мы деликатно спросили о детях. Она поняла.

— Нет, дети у меня хорошие. И все при деле. Сын в Москве — врач. По сердечным болезням. Вино не пьет, табак не курит. «Мама, — говорит, — давай ко мне». А я не хочу. Мне, говорю, сынок, тут хорошо. Что я там в городе не видала.

— Но ведь одна совершенно зимой...

— А что? Я человек общественный. Весь день на людях. И вечером не скучаю. Натоплю, подмету — хозяйка полная в доме и в жизни. Пока ноги носят, так и намерена жить. Старую яблоню пересаживать — безнадёжное дело. Засохнет.

Мы стояли на мостке через ключ, текущий в Дубну. Тихая деревенька без дыма над крышами, без людских голосов, без собачьего лая и петушиного крика стояла на взгорке, к Дубне огородами. Ветлы, рябины, колодец с журавцом, желтые пятна цветов в палисадниках. Зеленая непримятая мурава на единственной улице.

— Как же случилось — от такой красоты поразъехались?

— Поразъехались. Вечером мое окошко только и светится. Кабаны иногда ходят. Слышу, как хрюкают. Однажды лось в окно заглянул. Мой дом-то вон, самый крайний. Хотите глянуть?..

Все почтальоны — люди общительные. Дело к тому приучает. Но тут был еще и характер. Да еще и передача «В мире животных» оказалась у почтальона в числе любимых. Беседуя, мы пошли к деревеньке по пологому взгорку.

— Вот тут зимой, чтобы тропку не потерять, ставлю вешки. Сто двадцать пять хворостинок воткну, и тогда не страшны мне ни сумерки, ни метели...

Деревянный домишко был тих. В полутемных сенях пахло садом. Молочно белели крупные яблоки на соломе.

В доме на одной стене висели фотографии внуков. Еще одну стенку украшали часы. Старые, с медными гириями, ленивым помятым маятником и плоским ликом, на котором цифры почти не просматривались.

— Держу как память от деда и, признаться, для звуков. Они идут — я сплю хорошо. Остановились — сразу же просыпаюсь.

На комоде под дедовскими часами поблескивало еще не меньше пяти будильников.

— Это мне либо премия за хорошую службу, либо подарок ко дню рождения. Все думают, что почтальону нужен будильник. А я сама как часы: решу, что надо в четыре вставать, — в четыре и встану.

Вот так живет в Зятковке Клавдия Сергеевна Окунева. Первого мужа ее, лейтенанта Окунева Николая Николаевича, война оставила под Калинином. Со вторым, после войны, жизни не получилось — «от вина умер». С тех пор одна. Воспитала детей. Привечает их в этом домишке вместе с внуками летом.

— О, что тут бывает! Крика, радости — через край: «Баба Клава, баба Клава!» Затихает все в августе. А в сентябре слышно: там молоток, там молоток — забивают дома на зиму.

Вся жизнь Клавдии Сергеевны на миру. Работа ей по душе, хотя легкой ее никак назвать невозможно. По деревенькам Высочки, Гусенки, Утенино, Наговицыно проходит в день она двадцать километров. В дождь, мороз, в жару, в распутицу — двадцать километров!

Заботы и радости ее до удивления схожи с заботами и радостями Марьи Андреевны Ивановой. Желанный гость в каждом доме: там, где светло и шумно, и там, где тихо и сумрачно. Те же просьбы одиноких людей в обветшавших маленьких деревеньках: «Скоро праздник, принеси, Клава, бутылочку масла и сахарку». И та же радость в домах с приходом неутомимого почтальона.

Поразительно, но и Клавдия Сергеевна назвала нескольких подписчиков на газеты, людей, уже не могущих читать по слабости глаз.

— Писем никто им не шлет. Выписывают газеты, чтобы я приходила... В дома престарелых идти не хотят. У кого куры, у кого козы, ну, еще сад, огород. Все-таки жизнь, какая ни есть, а своя, не в подчинении ни у кого. И друг какой ни есть человеку обязательно нужен. Я таким другом и являюсь для многих. Нужна им, чувствую. Но, как бы вам объяснить, они все тоже нужны мне. Сыну я объяснила. Он понял...

Вот такие две встречи на земле талдомской, на границе Московской и Калининской областей. Живут Марья Андреевна и Клавдия Сергеевна километрах в двадцати друг от друга. Характеры разные. Но много и сходного. Закаленные жизнью, открытые, бескорыстные души. Таковыми людьми возвращается на земле радость и укоряется все недостойное в человеке. От встречи с такими людьми даже пасмурный день становится как-то светлее.

НОЧЛЕГ НА МЕЛЬНИЦЕ

Уже несколько лет в разных местах я спрашивал: «А не осталось ли где-нибудь водяной мельницы?» Ответ был всегда одинаков. И я решил уже: увидеть мельницу невозможно. А ужасно хотелось. И как некоторым чудачкам кажется, что не все мамонты вымерли, что где-нибудь в недоступных лесах остался все же ну хоть один из этих покрытых шерстью слонов, так и я верил в чудо. И не напрасно!

В Брянске поплавок моей наудачу заброшенной удочки вдруг шевельнулся. Вместо обычного «нет, не помню» один человек сказал: «Мельница?.. Да хотите, сегодня же съездим...» В тот же час мы и тронулись.

И обнаружилась мельница эта не в глухомани, не в забытом богом и техническим прогрессом дремучем лесном углу, а в семидесяти километрах от Брянска, почти у самой дороги в древний Трубчевск.

Сначала мы увидели речку. Она отличалась от многих маленьких речек, текущих в этих местах: в ней вдоволь было воды. Русло было заполнено до краев. Берега опушали заросли таволги, ивняка и рогоза. По заводям плавали гуси. Расходились круги от рыб. И шел от речки волнующий запах здоровой воды, запах прибрежных трав и донных растений.

Мельница была где-то недалеко, за холмом. Мы с другом вышли из «газика», чтобы пешком, по тропке, пробитой в упругой траве, не спеша подойти к этому «мамонту», уцелевшему среди телефонных столбов, среди дорог, покрытых асфальтом, среди опор электрических линий, среди всего, что быстро и не всегда к лучшему меняет облик земли.

— Вот она вся тут, глядите...— Встречный пастух оказался природным экскурсоводом. Он сразу повел нас на место, откуда лучше всего было глянуть на мельницу.— Поставлена без промашки. Откуда ни глянь — благодать для села.— Старик поглядел: понимаем ли смысл дорожного ему словца б л а г о д а т ь?— Этим и взял молодой председатель. «Давайте,— говорит,— мельницу подыдем. Была же когда-то». Но мы, конечно, дело, молчим. Не было еще такого председателя, чтобы с мельницы начинал. Выжидаем. Говорим для порядка: «А зачем она, если электричества вдоволь, справно мелем зерно-то». А он на своем: «Вода в хозяйстве нужна? Нужна. Зерна много надо молот? Много. Ну и благодать-то какая будет — украшение всей деревни!» И ведь не наш, не чижовский. Приезжий. Агроном до этого был... Ну, вот и взялись с его легкой руки. И сделали. В одно лето все сделали.

Мы испытали редкое удовольствие, беседуя с пастухом. Мы рады были увидеть хотя бы остатки водяной мельницы. А тут не просто поэтический символ — настоящая крепкая мельница исправно делает свое дело! И вокруг нее — та самая необходимая человеку благодать. Вода, вербы возле воды, гуси пасутся и лошади, ребятишкам есть где резвиться.

По словам пастуха, мельница тут стояла спокон веков. «Никто не помнит — ни дед мой, ни прадед, — когда поставили первую. Сгнивало дерево — новый сруб ладили».

Всего на Посари стояло девять мельниц. Плотины строили из плетней, земли и соломы. В каждое половодье их уносило. Строили новые. Хлопот было много. Однако все окупалось — было у деревенек воды сколько надо, «водяной силой» мололи тут хлеб, толкли коноплю, ловили у мельниц порядочно рыбы...

Чижевская мельница пережила все остальные. После войны ее разок починили. Но потом, когда пришла в деревню «удобная электрическая сила», возиться с мельницей поленились... Молодой председатель Алексей Верховец не просто хозяйским глазом глянул на землю и на житье деревеньки. Он сразу же уловил: мельница всегда была радостью для Чижевки. «Алексей Петрович разыскал стариков, какие по этому делу мерекали. И сам наблюдал, чтобы все было сделано, как полагается», — сказал нам пастух. От «технического прогресса» председатель тоже взял, что годилось к этому случаю. Специалисты хорошо спроектировали колхозу плотинку. Хорошо ее и построили — из бетона со сливными проемами.

Три колеса крутились у сруба. С белым шумом лилась на колеса вода. У плотины стояли подводы с мешками, мальчишки удили рыбу. Гусиные стаи обрамляли эту картину.

Устройство мельницы не нуждалось в каком-нибудь пояснении. Все было почти на виду. Подпертая вода по трем деревянным лоткам лилась на колеса с широкими «перьями». Валы колес деревянными шестеренками («Зубья кленовые, поглядите, как кость блестят», — объяснил мельник) соединялись с валами, вертевшими жернова.

Мы заглянули под крышу первого этажа в момент, когда крутились два из трех жерновов. В белом мучном тумане двое работавших тут еле угадывались. Один из мельников оттребал в мешки размол ячменя, другой в углу «ковал» жернов. «Стирается... Неделя — и надо его подымать. Вот так зубилом почешем — и снова на место».

От камня летели искры. Шумела за бревенчатой стенкой вода. С ровным гулом вертелись тяжелые мукомольные камни. И непрерывным ручьем из-под них лился теплый на ощупь, духовитый размол зерна.

— Сколько же за день?..

— А сколько хочешь,— весело откликнулся мельник.— Мелем колхозу, мелем колхозникам, вам если надо смолоть — привозите!

Оказалось: этот старинный снаряд может переработать в сутки чепыresta с лишним пудов зерна.

— Мелем и ночью — вода всегда готова работать. Мелем зимой. Ле-док пообколеи и запускаем — пар стоит от тепла!..

Мы вышли с мельником на порог. Из деревни по дороге к плотине важного вида петух вел десятка четыре кур.

— Кормятся тут, у мельницы. Рыбешка тоже к этому месту лунет.

— И люди?

— А как же! Мельница — вроде клуба. Ожидая помола, кто брешет, кто слушает, кто песни играет. Бывает, и подерутся. Добавлю-ка я водицы...

Мельник поднял затворы, и сразу же над колесами увеличился белый гребень.

А потом был на мельнице и ночлег. В Трубчевск в гостиницу мы решили не ехать. С благословения председателя Алексея Петровича Верховца принесли на мельницу сена, расстелили брезент.

Спать, однако, почти не пришлось. Уже в темноте председатель привел какого-то старика и представил:

— Вот познакомьтесь, настоящий профессор по мельницам...

Профессором оказался наш знакомый пастух Купреев Григорий Степанович. Оказалось: он первым и поддержал председателя. Все сам рассчитал, спроектировал и направлял потом плотников. Мельничное дело Григорий Степанович знал от отца. «А он от своего отца. Так и велось. Без чертежей, без всяких бумаг, понятное дело, строили. Все в голове держали».

Разговор о тонкостях дела протянулся за полночь. Когда мы вышли проводить мастера с председателем, над мельницей стояла луна. Видно было лошадей на лугу, на плотине бормотали пришедшие на ночлег гуси. Пахло поспевшими травами, мокрым деревом и мукой.

— Благодать...

— Благодать,— отозвался старику председатель.

— У крайних дворов Чижевки кто-то шел с транзисторным приемником.

Балалаечка играет,
балалаечка поет,
Балалайке дайте ножки —
балалаечка поидет...

Шаги и радиоголос растаяли в темноте.

— Года... Когда-то я тут вот так же ходил,— вздохнул старик.—

С балалайкой ходил. Остановлюсь, бывало, послушать, как ночью шумит вода у колес. Вот так же шумела...

Мы попрощались. И, ворочаясь на сене, долго еще не спали, слушая, как за стеной, пробиваясь сквозь щели, шумит вода.

ГРИБОВАРНЯ В КНЯЖАХ

К Новому году получил я подарок — банку грибов с запиской: «В Рязани грибы с глазами: их едят, а они глядят... Не исключаю, что варили эти грибы в Княжах».

Вспоминаю дорогу лесной пахучей низиной. Мой спутник сказал: «Носом чую — грибы!» Остановились. И точно, на бугорке под присмотром пожилого боровика беспечно паслась стайка молодых подосиновиков — как раз полный картуз. «Грибная бабушкина глушь! Уверяю, гриб тут родится, растет и умирает никем не замеченный», — философствовал Володя, погружая лицо в содержимое картуза.

На карте дорога вела нас в Гиблицы. А где-то на полпути должны быть Княжи, которых карта не удостоила даже маленького кружочка. А между тем мы уже знали: деревня знаменита колодезниками. («Летом скотину пасут, зимой ходят по деревням, роют колодцы»). Еще, говоря о Княжах, местный учитель сказал: «Девчонки в пятом классе — уже с часами. Покупают за сданные ягоды и грибы». И еще где-то здесь за деревней пряталось занимавшее нас производство под названием грибоварня...

В Княжах было тихо. На единственной улице у дома на травке под вербой сидел апостольского вида старик и, следуя мудрости «готовь сани летом», чинил валенок.

— Грибоварня?... Это, значит, вам Иван Пылыч нужен. Дымок за околицей видите? Туда и ступайте.

И вот она, грибоварня. За огородами у леска стоял дощатый навес, возле него — колодезный сруб, дымилась печурка с большим чугунным котлом. Тут же стояли бочки, мешок соли, склянки с приправами. С двумя огромными поварешками священнодействовал тут грибовар — единственный работник этой лесной промышленной точки, Иван Павлович Замиллов.

Нрав у сурового с виду мастера оказался веселым.

— Ко мне? На грибы?... Слегка припадая на правую ногу, Иван Павлович вынес из-под навеса скамейку, и мы, вдыхая пахучий дымок, до вечера просидели на грибной кухне.

— Производство — проще и не придумать! Однако ответственное. Гриб бывает червивый, гриб, бывает, помнут, гриб может попасть ядови-

тый. Я должен в оба глядеть. Ну и варка тоже — не чай скипятить: промывка в нескольких водах, в меру положи уксус, в достатке корицу, лавровый лист, а главное — с солью не промахнуться!

В грибной сезон мастер почти не спит. Сорванный гриб долго не полежит. Надо варить немедленно. Бывает, что варит всю ночь. Только прилег — грибники уже с утренним сбором явились.

От леса на грибоварню белеет в травах дорожка. На ней сходятся с разных сторон все лесные тропинки. Несут грибы в ведрах, в хворостяных корзинах, везут в двухколесных тележках, мотоциклетных колясках. Когда пошел гриб, в Княжах часу не потеряют, валят в лес от мала до велика. И есть у Ивана Павловича «кадровые грибники», старухи-профессионалы.

Размышляя, кого причислить к самым передовым, Иван Павлович перебирает с десяток фамилий и называет, наконец, Грибкову Анну Матвеевну и Дарью Орлову. Желая особо их отличить и не найдя подходящего слова, он говорит:

— Стахановцы! Точно. Лесные стахановцы...

Процедура приемки грибов простая и скорая. Из корзины («обязательно белый к белому, рыжик к рыжику») гриб идет на весы. А потом — «грибы в бочку, а деньги на бочку». Расчет не запутанный: за килограмм белых — рублевка, маслята, подберезовики, подосиновики — полтинник за килограмм.

— Утром рублей на пятнадцать сдает старуха, вечером — на десятку. К зиме набегает каждой рублей шестьсот — семьсот. У нас тут телевизоры, мотоциклы, часы — все грибные да ягодные...

Иван Павлович — не единственный в этих краях грибовар. Своих близко расположенных конкурентов-приемщиков он побивает большой аккуратностью, добросовестностью в расчетах. К нему гриб несут со всех деревень. Сам он осенью на мотоцикле объезжает все закоулки, скупая грибы сушеные — «двадцать рублей кило!»

Когда я сказал, что хотел бы снять мастера для газеты, Иван Павлович отнесся к этому с простодушной готовностью:

— А что же, сними!..

— Я полез на скамейку и уже сделал несколько снимков, как вдруг грибовар спохватился:

— Постой-ка, сбегая за тельняшкой!

Он явился в новой рубашке с расстегнутым воротом. Под рубашкой была морская тельняшка.

Уже после, в избе за столом я спросил, что, наверное, Иван Павлович имеет с флотом какую-то связь?

— Имею, — сказал грибовар. — До войны был матросом на крейсере «Красный Кавказ». Оборонял Севастополь в 42-м. Потом воевал в Сталинграде морским пехотинцем — немцы нашего брата в тельняшках хо-

рошо знали. От Волги до моря, до Кенигсберга я по суше пешком дошел. От Сталинграда к Дону нас подвезли маленько автомобилями, а далее — все пешком и пешком...

После войны взялся было за старое ремесло. Однако с моими ранами рыть колодцы тяжеловато. И вот уже двадцать пять лет занимаюсь грибами. Ну, а тельняшка — понимаете сами... — Иван Павлович изловил на тарелке ускользавший от вилки рыжик, задумчиво пожевал.

— Наталья, дай-ка баян...

Баян сейчас же был подан. На звуки «Раскинулось море широко» из соседнего дома пришла старушка — мать грибовара.

— Иван, там бабы с грибами...

Игравший кивнул: «сейчас...» — и наклонился к баяну, почти положил на него ухо.

— Шестьдесят лет мужику, а рюмку понюхал, и дите дитем делает — одевает морскую рубашу и за баян... — улыбается мать-старушка.

На прощание Иван Павлович показал нам хозяйство, пасеку, сарай с сеном, коровье стойло, кур, уток и извинился:

— Теперь пойду, а то стахановки разобидятся...

У края деревни мы задержались, наблюдая, как двое мальчишек пускали воздушного змея. А когда тронулись к Гиблицам, за огородом Ивана Павловича увидели знакомый синий дымок — моряк-грибовар вершил свое сухопутное дело.

Путь гриба с лесной грибоварни до магазина лежит через цех районного городка на Мещере. Тут из бочек грибы кладут в стеклянные банки. И вот он, подарок лета, у меня на столе. «Казенный гриб», конечно, не может идти в сравнение с грибом домашнего приготовления, пусть и варил его мастер. И все-таки в зимнюю пору даже и он — лакомство. Лучок, чесночок, с пылу с жару картошка к грибам... Спасибо, лето, за этот подарок!..

В Рязани я получил справку: на Мещере каждое лето действует более ста лесных грибоварен. Продукция за сезон — примерно четыреста тонн. Это не очень много — банки с грибами даже в столичном продмаге «Лесная бэль» мы видим не часто.

Лесной урожай во многих местах остается нетронутым. На Мещере есть уголки, где гриб в одном месте собирают два раза в день, утром и вечером. Бывают годы, когда, по словам Ивана Павловича, «от грибов некуда деться». (Таким был, например, 61-й год. Старухи в ту осень вздыхали: «Грибов-то, грибов-то, как бы войны не было...»)

За грибом на Мещеру едут с разных сторон. В доступных местах от этих набегов гриб, замечено, переводится. Но есть тайники на Мещере, где «гриб рождается, вырастает и умирает, никем не замеченный».

ЛЕСНЫЕ ЯБЛОКИ

— Да-а... — протяжно философствует Егор Иваныч, заводя в оглоблю чалого меринка. — Езжу теперь на телеге. А ведь было время — лев. Бул я стрелком-радистом. Но с чего-то стал заикаться. Який же радист с заики — списали! Сделався я шофером. Дюже много поездил. С геологами. Воны на месте не посидять. Ну и я з ними уسو Азию сколесив. Геологи много всякой руды нашукали. А я — радикулит. Вот теперь на телегу переключився. Для мягкости со старой машины сиденье приспособив. И ничего — жизнь иде...

Все это Егор Иваныч говорит неторопливо, подтягивая ремешки сбруи. Знакомство с лошастью началось у него с происхождения. Кобылка по имени Майка имела привычку лягаться. И достала сидевшего на телеге Егора Иваныча задним копытом.

— Ума не приложу, ну як це случилось, як раз по нижней губе. Ну прямо как боевое ранение.

Егор Иваныч поочередно прикладывает руку к биноклю, к полевой сумке, к карманам — не забыто ли что. И мы трогаемся.

В этот день лесники заповедника мерили уровень грунтовых вод. У большинства — мотоциклы. Мы же с Егором Иванычем неторопливо ехали от скважины к скважине вдоль опушки. В нужном месте делали остановку, лесник доставал из сумки гиричку, на шнурке опускал ее в скважину и тут же, чтобы не позабыть, ставил в блокноте цифру.

— Понижается... — всякий раз говорил он со вздохом.

Лето в этом степном краю было на редкость жарким. Но искушенный в геологии Егор Иваныч видит иные причины понижения вод.

— Ученые разберутся. Наше дело — мерить. Но недоброе же явление, колы воды уходят...

— Но-но!.. Я тебя научу, я тебя воспитаю, — любимой присказкой погоняет Егор Иваныч неторопливо идущего Чалого.

Дорога тянется вдоль опушки. Слева — лес, справа — степь. Прокаленная, залитая светом равнина желтеет щетиной жнивья, цветами подсолнухов, по полю, где убран горох, ходят семь журавлей. Позже в эти места соберутся, готовясь к отлету, более сотни старых и молодых птиц. Теперь же из леса на поле летают кормиться несколько здешних семей. На закате журавли неторопливо, невысоко перелетают в болотные крепи, чтобы утром вернуться снова на поле. Журавли нас заметили, но, не тревожась, продолжают кормиться.

— Подывитесь... — показал кнутовищем Егор Иваныч на просяное поле. По нему в сторону журавлей крался лисенок. В бинокль было видно, как он старается и какие страсти охотника бурлят в молодом неопытном тельце. Осторожно подняв мордочку с высунутым языком, ли-

сенок разглядывал журавля и потом опять крался по невысокому, подпаленному жаром просу. Опасность журавлям не грозила. На открытом пространстве они вовремя увидели незадачливого охотника и лишь чуть отлетели. Лисенок с азартом подростка метнулся в их сторону, но тут же почувствовал, что сам-то он виден со всех сторон. Обнаружив сзади повозку, он кинулся к лесу, и лес мгновенно сделал его невидимым...

Степная жизнь тоже льнет к деревостоям. На суках засохших дубов видим горлинок. Канюкам удобно с деревьев высматривать в поле мышей. Спугнули с одиноко стоящей сосны в засаде сидевшего ястреба. И долго, как будто играясь с нашим возком, взлетали и снова садились на столбы телефонной линии два молодых ворона.

Четкой границы у лета и осени нет. Зной летний, но в гриве опушки уже появились намеки на близкие перемены — по крутой зелени кое-где выступает багряный румянец вязов и диких груш. Желтая прядь у березы. И как-то особо тревожно шелестят поглубевшей листвою осины, изнанкой листьев серебрятся под ветром ивы.

Все созрело в лесу. Прямо возле дороги, остановившись, собираем сизую ежевику. И то и дело проезжаем места с острым запахом диких яблок. Даже Чалого этот запах волнует, он замедляет вдруг ход и тянет ноздрями воздух. Ругнув радикулит, Егор Иванович слезает с возка, и мы идем на опушку. Земля под густой приземистой яблонькой похожа на солнечный круг. Недавняя буря стряхнула созревшие белые яблочки, и пока что это лесное богатство не потревожено ни оленями, ни кабанями.

Яблочки нестерпимо кислые, твердые. Егор Иванович морщится так, что конец его чумацкого уса попадает между губами. Он снимает фуражку, наполняет ее яблоками и несет Чалому.

— Я тебя научу... На-ка, попробуй...

Лошадь жадно ест яблоки. Я предлагаю ее распрячь и сводить прямо к яблоням.

— Ну что ж, давайте поэкспериментируем, — соглашается Егор Иванович.

И вот мы сидим на припеке, слушаем, как прощально гремят кузнечики, как кричит сойка и как Чалый неторопливо хрумкает твердые дикие яблоки.

Коротаем дорожное время за разговором. Егор Иванович обладает редкостным даром веселого, неунывающего человека. Даже несмешные вроде бы стороны бытия он преподносит так, что друзья его, лесники, собираясь время от времени с одиноких своих кордонов в усадьбу, просят: «Повеселил бы душу, Егор..»

— Як Теркин, вспоминаю что-нибудь вроде бы не смешное, а вони за животы держатся.

— А лягушачья история... Правда ль, до «самой области» дело дошло? Говорят, прямо на лестницу в исполкоме лягушек повыпускал?

Егор Иванович останавливает Чалого.

— Да не, Василий Михайлович, то все брехня. Не областное то дело, районное. Воно как було, до работы тут у заповеднике промышлял я в соседнем районе лягушек. На экспорт. Вы про то знаете. Ну наловив я как-то две фляги... Да, в яких молоко возють. Ну наловив, значить, а тут Франция чевой-то перестала их брать. Перебой який-то там вышел. Ну шо робить? Я туды-сюды — не берут! Я до председателя потребсоюза: «Товару,— говорю,— рублий на сто...» А вин, председатель, гадюка хитрючий, прижмурився, внимательно на меня смотрит: «А можа они, Егор Иваныч, у тебя дохлые...» Ну я сразу у кабинет флягу. «Ну якие же,— говорю, вони дохлые, живые!» Открыв флягу, наклонив трохи, ну, лягушки-то, волю почував, по кабинету прыг, прыг... А председатель, оказалось, лягушек не любить, боится... Матерь божия, якие кадры можно було бы снять для вашего «Мира животных»! Сам-то я смеюсь редко. А уж там посмеявся. Плонув на сто рублив, собрал живой свой товар и прямо к пруду...

Пока я «перевариваю», покатываясь на телеге, лягушачью историю, Егор Иванович идет в заросли кукурузы и приносит для лошади пару спелых початков.

— Чалого я выменял на Маечку, чтоб ее волки съели. И Чалый меня уважает. Як сяду писать — подходит и блокнот нюхает...

— Вот здесь вони и живут. Вы идите дывитесь. А я радикулит солнцем буду лечить...

Наш возок стоит у стенки ольхового леса. Нигде в ином месте не видал я ольшаников столь могучих. Богатырской заставой выходит к степи из поймы лес. Черный, мрачноватый и нелюдимый. Жаркий ветер равнины, проникая в ольшаник, создает банную духоту. Под ногами черная топь, к лету подсохшая, но все равно зыбкая, ненадежная. Растут тут крапива и папоротник. Никаких красок, кроме зеленой и черной. Даже осенью, когда все желтеет или краснеет, ольшаники остаются черно-зелеными, роняют на землю жухлый, нежелтеющий лист.

Километра четыре можно идти этим лесом к Хопру. Но лишь редкий знающий человек предпримет это небезопасное путешествие. Легко заблудиться. И кричи, не кричи — никто не услышит. Царство оленей и кабанов.

Весною ольховый лес сплошь заливается талыми водами. Вот тогда, блюдя осторожность, в легкой лодочке можно пробраться ольховым ле-

сом. Я плавал однажды и вспоминаю ольшаники, погруженные в воду, как Амазонию.

Пойма Хопра — не вся ольховая. Есть дубняки, осинники, веселый смешанный лес с травяными полянами, с живописными ивняками возле озер и стариц. Озер больше трех сотен. Егор Иванович по памяти называет с десяток: Выюнячье, Юрмище, Тальниковое, Осиновское, Колпашное, Грушица, Голое, Серебрянка... «Сверху глянуть — кудряшки леса и блюдца воды, а в середине — Хопер». Этот исключительный по богатству природы степной оазис и есть заповедник. Не перечислить всех, кто нашел тут приют: олени, бобры, кабаны, выхухоль, журавли, утки, орлы... Ольшаники выбрали для поселения цапли. Я видел шумную их колонию летом — более сотни гнезд на верхушках деревьев. Между ними, как призраки, пролетали долгоклювые птицы. Внизу валялись скорлупки яиц, скелеты упавших сверху птенцов... Сейчас в ольшаниках тихо — цапли держатся где-то возле воды. И все их стойбище очень похоже на опустевший, внезапно покинутый городок.

— Вы здесь? Не заблудились? — услышал я голос.

Егор Иванович стоял у входа в ольшаник с большим подсолнухом:

— Поедем-ка, друже, до Бережины. Чалый пыть хочет, да и по нас арбузы скучают...

Бережина — один из кордонов Хоперского заповедника. Небольшой домик окнами смотрит в степь, а двором упирается в лес. Тут и живет уже несколько лет Егор Иванович Кириченко.

— Детэй нема. Бытуем с жинкою двое. Она сегодня на вышке — пожары шукае...

— Не скучно тут жить-то?

— Сказать по правде, скучать-то некогда — служба, пусть и нехитрая, да и скотину держим. Зарплата у лесника, знаете сами, — на хлеб да соль...

Во дворе Егора Ивановича гоготаньем приветствовали два благородной осанки гуся, о ногу терлась истосковавшаяся по людям собака. В хлеву о себе заявили два поросенка. И важничал посредине двора индюк с восемью индюшатами.

— Есть еще кролики. Почти одичалые. Бегают как хотят. Вон поглядите — усе кругом в норках, боюсь, Чалый ногу сломаст. Вечером подывитесь — скачут вольно, як зайцы...

Егор Иванович пускает Чалого на поляну, полого уходящую к лесу, и приносит под мышками с огорода два полосатых арбуза.

— Треба охладить трохи — горячие, як хлебы з печи...

Опускаем арбузы в ведро с водой. И в ожидании пира после дороги говорим в прохладной избе о здешнем житье-бытье.

— Зимой, бываить, так заметэ, шо неделю без хлеба и сигарет. На

ти случай хозяйка сухари запасает, а я — самосад. Кручу сигарки, як в военное время...

— Дичь и домашняя животи́на рядом живут. Бывают, наверное, конфликты?

— Бувають. Якая же жизнь без конфликтов. Лисы до кроликов дюже охочи. Но вонь — видели норы — раз, и тилько хвостик мелькнув. Теперь, чую, лисы до индюков подбираются. У прошлую среду трех маленьких задавили. Но то, думаю, молодые лисята — учатся. Е волк. Жи ве где-то близко. Мимо кордону, по следам вижу, ходыв не раз. Но ни боже мой — ни поросенка, ни лошади, ни даже куры не тронул. У мен зверина! Там, где живе, — не шкодит... Ну еще кабан имеет привычку в голодное время во двор заходить. Почавкает чеволыбо и снова в лес. Мирное сосуществование!..

Нет в жару еды приятней холодных арбузов! За пиром, знаменующим окончание лета, застанет нас хозяйка, приехавшая на велосипеде с пожарной вышки.

— Садысь, Маша, командуй! — подставляет жене табуретку Егор Иваныч. — А мы продолжим беседу о Бережине... Из всех зверей, Василий Михайлович, наибольшее поголовье — за комарами. На окнах видите марло, на дверях занавески? Це оборона против сих динозавров. Двухмоторные. дьяволы!.. А ишо ужиков много. Мисто Бережиной называют не зря. Весною вода як раз до двора подымается. Ну, ужики. понятное дело, на теплое место, на берег лезуть. Ступить негде от этого войску.. И все ж Бережина — гáрное мисто, вольное и покойное. Было как-то встретил я в Новохоперске доброго старичка Куликова Александра Иваныча. Вин тридцать лет безвылазно на сем кордоне прожив. Ну, понимаете сами, сердцем прирос. Мне так прямо голову на плечо положив.

— Ты с Бережины?! Ну як вона там?..

— Да стоит, — гсворю, — у порядке. Колодец собираюсь почистить, баньку мерекаю зладить...

— Ну, а як ужачки, е?

— А як же, — говорю, — е.

— И на кордоне бувають?

— Бувають, — говорю, — як же без этого.

— У меня, Егорушка, був один ужачок — любимый, у левом валенке жил. Вернется калачиком и спыть. Я валенок набок клал, шоб було ему удобней. Выйдет, попьет с блюдечка молока и опять спыть. Бывало, валенки надо обуть — бережно его выпускаю. А вернусь — вин опять у левый валенок и спыть...

Егор Иваныч задумывается, гладит клеенку стола.

— Я пригласил Александра Иваныча у гости. Приезжай, — говорю, — посидим, поговорим, повспоминаем. Шутка ли, тридцать лет на одном мисте. Не только ужак, любая травинка станет родною...

Сидя с лесником во дворе на скамейке, мы видим, как в пойму полетели на ночлег журавли, как устроились на насест куры и замелькали над огородом на красном закате летучие мыши.

Машина из заповедника появилась уже в темноте.

— Ну что ж, до побаченья. Не забывайте про Бережину...

В свете фар у калитки Егор Иванович стоял рядом с женою — одна рука поднятая, другая — крутила чумацкий ус...

Дорогу опушкой машина пробегает минут за двадцать. Но я попросил шофера не торопиться. У просяного поля в полосу света попал лисенок. Машина не показалась ему опасной. Поворачивая головой и топориком наострив уши, лисенок с любопытством разглядывал красную «Ниву». Мотор шофер заглушил, а я, опустив стекло, тихо попищал мышью. Лисенок, вытянув мордочку, устремился на звук и, тараща глаза, уселся от машины в двух метрах...

Потушив фары, мы постояли на опушке минут десять. В степи плясали красноватые языки света — перед пахотой жгли стерню. Далеко в стороне, пронося по звездному небу мигающий огонек, летел самолет. А справа, рядом с дорогой, темнела громада леса. Запах бензина возле машины перебивался запахом диких опавших яблок.

Хоперский заповедник

ТРЕЗВЕННИК ТОП

И воробья можно сделать смешным и жалким, если приобщить его к выпивке.

Года четыре назад на пустыре за оградой стадиона «Динамо» в Москве я увидел странное оживление. Группа людей забавлялась чем-то, нагнувшись к самой земле. На камне рядом стояли пустые бутылки. Захмелевших было душ восемь, а около них копошились смертельно пьяные воробьи. Они поразительно были похожи на людей — волочили по песку крылья, качались на непослушных ножках, а один свалился на бок и особенно потешал захмелевших затейников.

Это прямо-таки шекспировское соединение грустного и смешного я увидел и на другой день, проходя тем же местом, — пьяные люди и такие же пьяные птицы. Люди макали в водку кусочки хлеба, а воробьи-алкоголики жадно на них набрасывались, потеряв всякую осторожность, свойственную этим птицам.

Нетрудно представить истоки «биологического эксперимента». Как раз напротив пустыря действовала торговая точка, именуемая «гадючником». С бутылкой — три шага до пустыря. Воробьи, подбиравшие крош-

ки ежедневного жалкого пиршества, были приобщены «к застолью» и сделались алкоголиками.

Спиртное действует на животных так же, как на людей. Организм протестует сначала, но, привыкнув, начинает требовать алкоголь. Я знал пьяницу-лошадь, совращенную пьяницей-кучером. Видел свиней-алкоголиков, пристрастившихся к выжимкам барды во дворе самогонщицы. Известен случай, когда куры валялись пьяными, наклевавшись ягод винной настойки.

Замечено: активную нетерпимость к спиртному проявляют собаки. Видимо, запах нетрезвого человека и его непредсказуемые поступки собаки связывают воедино. Посмотрите, как раздражает их каждый пьяный. Даже горячо любимый хозяин собаки, вернувшись домой нетрезвым, заставляет ее недружелюбно рычать. А недавно я встретил овчарку, у которой неприязнь к алкоголю развила довольно занятные навыки санитара.

На реке Усманке, на кордоне у лесника, я увидел за домом гору бутылок — не менее тысячи.

— Наверное, навезли гости? — деликатно спросил я хозяина.

— Какие гости, — ответил лесник, — собака носит! Хотите проверить — отнесите хотя бы вот эту пивную бутылку к речке в кусты.

Я так и сделал. Минут через пять бутылка вернулась к нашим ногам. А овчарка снова помчалась к воде и натащила с десяток бутылок, оставленных возле речки запоздалыми рыбаками.

— Все лето таскала. Были курьезы. Приносит вдруг непечатую поллитровку «Столичной» и по обыкновению закапывает в песок за баней. Я беру «приношение» и иду вдоль реки. Спрашиваю у двоих сидящих возле костра бедолаг: ничего, мол, не пропадало? А они в один голос: «Как же не пропадало! Рыжий кот уволок вот такого подлещика, а чья-то собака почти что из рук схватила бутылку». — «Ну, — говорю, — подлещика вам не видать — кот мой рыбу домой не носит, а выпивка, поглядите-ка, ваша?» Закричали, как будто потерянный миллион отыскался: «Наша, наша!» Вот такие дела с бутылками учиняет наш Топ.

Обучить овчарку находить и носить в какое-то место бутылки — дело нетрудное. Однако тут никакого обучения не было. Топ очень любит хозяина и не терпит гостей. Они приезжают обычно с бутылкой, и лесник, посидев за столом с гостями, переставал Топу нравиться. Скоро собака сообразила, что все неприятные перемены в хозяине идут от стеклянной посуды. Теперь во время застолья она садится обычно рядом с глаз не сводит с бутылки, ожидая, когда она опустеет. Как только такой момент наступает, овчарка хватается бутылку, уносит и зарывает. Хозяйка дома, да и сам хозяин тоже эту инициативу не пресекают, и постепенно Топ расширил свою антиалкогольную деятельность далеко за пределы лесного двора и вот уже два года что есть мочи борется за чистоту берегов Усманки. Бутылку он стремится обязательно закопать. Но работы все прибавляется, а земля неподатлива, и Топ валит теперь бутылки

в кучу за баней. Этот занятный склад стеклотары — хороший повод восхититься собакой и укорить высшее творение природы-матери — человека.

1978

ПРО ДЕДА МИХАИЛА, МАЛЬЧИКА МИШУ И ОСЛИКА МИШКУ

Деда зовут Михаил, мальчика — Миша, а ослика — Мишка. Все трое живут под Москвой, в деревеньке Валуево. Деду под девяносто. Он был кузнецом в Туле, во время войны чинил пушки в походной кузне, потом служил лесником. Теперь он хлопочет только по дому: пилит дрова, стежки от снега чистит и без ошибки предсказывает погоду.

Шестилетний Миша благодаря телевизору похож на маленького профессора: бездна познаний! Знает, какого цвета на Марсе пустыни, знает, почему идет снег, а недавно сказал, явно подшучивая над дедом, что «солнце на ночь скрывается в Африке и там два африканца начищают его до блеска большим кирпичом».

Мишка-ослик — возраста неопределенного. Родился он где-то в жаркой Каракалпакии. Рано осиротел. С малолетства звали его ишак, а потом, когда попал к мелиораторам, получил еще прозвище Мишка.

У мелиораторов прорва всякой техники на колесах. Но для чего-то, видно, годился и ослик. Три года назад мелиораторы перебрались рыть землю вблизи от Москвы — ослика тоже с собой прихватили. Но для работы в этих местах сподручнее лошадь. «Возьми, дед, осла! — сказал старший мелиоратор. — У нас без работы зачахнет».

Дед взял. И в тот же вечер явился в деревню верхом на осле. Роста старик отменного — ноги по земле волочились. Люди хватались за животы, стар и мал бежали к дому Михаила Максимыча, как в зверинец. А потом все привыкли. И стал Мишка в деревне Валуево жить-поживать и помогать деду Михаилу в работе: возит тележку с сеном, носит из лесу вязанки дров. Приспособил его старик ходить бороздою — посадка и копка картошки теперь без ослика не обходится. Иногда, возвращаясь из леса, Михаил Максимыч садится на Мишку верхом, но уже не потехи ради, а потому что ноги стали слабы.

Самая легкая ноша для ослика Мишки — любимец деда шестилетний Мишутка. Он ловко влезает на Мишкину спину, щекочет бока его голыми пятками и кричит что есть мочи: «В атаку!» Ослик сладко щурится от удовольствия, перебирает на месте ногами или вдруг начинает резво носиться, так что Мишутке двумя руками надо держаться за Мишкину холку.

Дед Михаил следит за этой возней любимцев, облокотясь на пряслло. Родни у деда великое множество: сыновья, дочери, внуки и правнуки. Но, схоронив бабуку, он остался в своем домишке, ни к кому не пошел. Держит дед черную низкорослую коровенку, двух кошек, пять кур и этого ослика...

Тропинка летом, а в снежную пору лыжня проходят мимо деревни Валуево, и я обычно хотя бы на пять минут забегаю к деду либо напиться, либо погреться. Ослик всегда на виду.

— Живет, сено жует. А чего ж ему...— говорит дед и шарит в кармане, ищет для ослика подсоленную корочку хлеба.— Привык, и снег ему нипочем. Ешь, ешь, азиат...

Наблюдая за стариком, я почему-то всегда вспоминаю своего городского соседа. Вот так же он ходит у нас во дворе возле сверкающих лаком малиновых «Жигулей». В руках непременно тряпица, масленка. Иногда кажется: от постоянной ласки машина преданно замычит, заблестит, завертит от радости колесом. Нет, стоит холодная, равнодушная... А ослик — другое дело. Ослик трется холкой об руку, тычет мягкой губою в ладонь и совсем неглупо смотрит на деда Михаила... Не этими ли ответными чувствами объясняется наша привязанность к осликам, лошадям, собакам, хомячкам, кошкам, ко всему, что дышит, что способно подать свой голос, что может, живя рядом с нами, радоваться и страдать?

СОДЕРЖАНИЕ

Дом с петухом	3
Пять его сыновей	8
Беседа	15
Пастух	22
Марья Васильевна	25
Свет в окне	28
Ночлег на мельнице	32
Грибоварня в Княжах	35
Лесные яблоки	38
Трезвенник Топ	43
Про деда Михаила, мальчика Мишу и ослика Мишку	45

Василий Михайлович ПЕСКОВ

ДОМ С ПЕТУХОМ

Редактор Д. К. И в а н о в

Технический редактор Т. Е. А в д е е в а

Сдано в набор 27.02.87. Подписано к печати 05.05.87. А 00372. Формат 70 × 108^{1/8}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,08. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80000. Изд. № 1232. Зак. № 282. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ,
знаете ли вы, что такое ВДПО?**

**ЭТО: ВСЕРОССИЙСКОЕ
ДОБРОВОЛЬНОЕ
ПОЖАРНОЕ
ОБЩЕСТВО.**

А ЧЕМ ОНО ЗАНЯТО?

● Растут наши города, благоустраиваются рабочие и дачные поселки, хорошеют сельские населенные пункты. Почти в каждый дом пришел газ. Нет такой семьи, которая не пользовалась бы электричеством и предметами бытовой химии. Но все эти блага могут обернуться бедой при нарушении правил пожарной безопасности. Тот, кто хотя бы раз видел пожар, знает, какое это страшное бедствие, а пожары в жилых домах составляют 60—70% от общего числа пожаров. Так вот уберечь дом от страшной беды помогут члены ВДПО. Они знакомят вас с правилами пожарной безопасности и научат, как надо поступить, если все же пожар случился. Членом ВДПО может быть гражданин, достигший 16-летнего возраста.

**Центральный совет Всероссийского
добровольного пожарного общества**